Сказки темного города. Яд

Автор:
Наталиса Ларий

Сказки темного города. Яд

Наталиса Ларий

Фэйри-сильные и могущественные существа, военные покровители и защитники. Но так ли это на самом деле там, за безопасными стенами пансиона для девочек, где строптивая реальность заставляет прекрасных красавиц, оказавшихся в затруднительном положении, преклонять перед ними колени? Или, если на все закрыть глаза и пойти по пути добродетели, то тогда, возможно, все не так и печально? Сможет ли лидер клана фэйри темных охотников посмотреть на дочь бывшей куртизанки как на кого-то, кто достоин уважения, или отнесется к ней как к яблоку, которое недалеко упало от своей яблони? Какая тайна влачится по следам юной девушки, которая в роли служанки попадает в шикарный дом того, кто потерял нечто настолько важное в своей жизни, что каждая ночь для него становится темным кошмаром, наполненным болью? И какую роль сыграл лавандовый вкус, проникший в кровь властного и жестокого фэйри, судьба которого с того самого момента стала плести сети из несочетаемых нитей долга, страсти и любви?

Наталиса Ларий

Сказки темного города. Яд

Глава 1

– Надеюсь, мне не нужно говорить о том, что оплачивать содержание своей девочки вы должны исправно? – строго спросила высокая пожилая женщина, которая вышла к нам за ворота.

– Не беспокойтесь, – моя мама протянула ей толстый конверт. – Это оплата сразу на полгода вперед.

Женщина взяла в руки сверток и быстро заглянув в него удовлетворительно кивнула:

– Прекрасно. Пожелания какие-либо будут?

– Нет, каких-то определенных нет. Только мне бы хотелось, чтобы моя девочка была воспитана в соответствии с правилами, которые предусматривают должное уважение ко всем жителям нашего государства, – ответила мама.

– Вы имеете в виду фэйри? – осторожно спросила женщина

– Да, я имею ввиду их.

– Ну, насчет этого можете быть спокойны. Мы придерживаемся в нашем пансионе тех взглядов, которых придерживается и наш король. А коль уж мы в таком положении, что зависим от этих…существ, – тактично сказала она, – то куда уж без этого уважения? У нас выбора просто нет, – пожала она плечами.

– Главное, чтобы она не боялась и не видела в них угрозы. Это мы, взрослые, были воспитаны по старым законам и до сих пор с долей опаски смотрим на тех, с кем идем по жизни рука об руку. А дети…дети не должны испытывать страх перед теми, кто стал нашими союзниками в борьбе против вервольфов. У нас одна дорога и от этого никуда не деться. Так пусть лучше чувствует себя равной им, – мама погладила меня по голове и протянула женщине чемоданчик с вещами.

– Равной? – хмыкнула та. – Равной им мы никогда не будем, миссис Лярой. Как можно быть равной тем, кто на нас, людей, похож лишь внешне? Мы слабее фэйри, поэтому страх – естественное состояние, которое охватывает каждого из нас, независимо от воспитания, мировоззрения или еще чего либо. Вкладывать в

эти маленькие головки, – женщина погладила меня по голове, – мы будем только лучшее, а вот жизненный опыт сам научит их, как относиться к тем, кто доминирует над нами как более властный вид. Но, как по мне, так девочкам вообще лучше с опаской смотреть на тех, для кого они сродни такому желанному сладкому. Вы ведь знаете, насколько охочи эти крылатые до них, – она презрительно скривила губы. – Так что, будь у меня дочь, я бы воспитывала ее с долей страха по отношению к фэйри. Но вам виднее. И не переживайте так, – улыбнулась она, видя грустные глаза моей матери, устремленные на меня, – ваша девочка в хороших руках. С нас отменное воспитание маленькой леди, с вас же – ежегодное пожертвование на благо развития нашего пансиона, – она учтиво склонила голову.

Мама молча кивнула в ответ и поцеловав меня сказала:

– Будь умницей, дочка. Хорошо учись и слушай мисс Дизар, – кивнула она в сторону стоявшей подле женщины, – а я, как только смогу, то сразу же заберу тебя домой.

– Хорошо, мамочка, – ответила я, прижимая крепче к себе своего маленького, замызганного одноглазого медведя. – Мы с мистером Робином будем вести себя хорошо и ждать, когда ты вернешься.

– Вот и хорошо, – мама поправила ленту моей шляпки и помахав рукой направилась в ждущий ее экипаж.

Я же с улыбкой посмотрела ей вслед, поскольку в тот момент и подумать не могла, что ждет меня впереди.

– Ну что, Селена Мария, идем в дом? – женщина подождала, пока экипаж скроется за поворотом и протянула мне руку.

– Что-то вы старая уже, чтобы называться мисс. Вы что, замужем не были? – спросила я, с интересом рассматривая стоящую рядом красивую женщину с пронзительными карими глазами, красиво уложенными волосами с проседью и точеной фигуркой, изящество которой подчеркивало строгое платье серого цвета.

– А ты очень любопытная, – щелкнула она меня в ответ по носу пальцем.

– А мама ведь приедет точно? – нахмурилась я, раздумывая, давать ли руку этой элегантно разодетой даме или нет.

– Обязательно, – улыбнулась мисс Дизар и толкнув скрипящие кованые ворота повела меня на территорию пансиона.

Шагая тогда по мощеной дорожке к величественному старому зданию из серого камня, я еще не знала, что следующие несколько лет моей жизни будут такими же тусклыми, как и его мрачный, безжизненный фасад. Но в тот момент мне казалось, что это всего лишь еще одно небольшое приключение в жизни шестилетней девочки, которая широко раскрыв свои зеленые глаза с интересом окидывала взглядом высокие окна особняка, его старые, дубовые, потемневшие от времени двери и стертые десятилетиями ступени, ведущие к входу в неизвестность.

Как только за моей спиной захлопнулись двери, мисс Дизар окликнула кого-то:

– Розалин! У нас новый ребенок!

Не прошло и минуты, как к нам из дальней комнаты, находящейся в конце длинного коридора, выбежала пухленькая женщина лет сорока в аккуратно выглаженном платье серого цвета, с белым чепцом на голове и таким же белоснежным фартуком, отделанным накрахмаленной оборкой по краю.

– Это Селена Мария, – кивнула мисс Дизар на меня, стаскивая со своих рук тонкие перчатки бежевого цвета. – Отведи ее в крыло для девочек и покажи все здесь.

– Как скажете, мадам Дизар, – женщина сделала реверанс и протянула мне руку, – пойдемте, мисс Мария.

– Меня папа всегда называл Селеной, поэтому и вы зовите так же, мадам Розалин, – проговорила я и неуклюже сделала реверанс в знак уважения.

– Селена, значит Селена, – женщина улыбнулась и, взяв своими теплыми пухленькими пальцами мою маленькую ладошку, повела меня на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице, вытертые ступени которой не видели покраски

уже около десятка лет, не менее.

Поднимаясь по ступеням, я с интересом разглядывала особняк, который был не менее мрачным изнутри, чем снаружи, со своими выцветшими обоями в мелкий цветочек, потемневшим от времени потолком, который уже ох как давно нуждался в побелке, и не менее печальным полом, который так же, как и ступени, нуждался в ремонте.

– У вас тут так страшно. Здесь точно только люди живут? – тихо обратилась я к мадам Розалин, когда мы поднялись по ступенькам и прошли на второй этаж, оказавшись в длинном коридоре, печальный мрак которого рассеивали лишь несколько закопченных светильников, установленных на небольших деревянных столиках с изогнутыми ножками, которые стояли у стен нескольких комнат, за дверьми которых слышались приглушенные детские голоса.

Мне, маленькой глупышке, казалось тогда, что фэйри, с которыми у нашего государства был военный союз против вервольфов, ну непременно должны были отдавать своих детей на воспитание в такие вот мрачные пансионы, как этот, и уж точно людям в нем места не было. Но на деле было все как раз наоборот. Фэйри очень берегли своих малышей, в то время как люди…люди, собственно, как всегда. У кого не было времени, у кого средств, а кто просто не видел себя в роли матери или отца, и тогда дети таких вот представителей нашего человеческого мира пополняли ряды обездоленных жителей холодных стен пансионов, коей была и я.

– Люди, не переживай, все здесь – люди, – успокоила мадам Розалин, открывая одну из дверей и пропуская меня внутрь.

Большая комната, у стен которой стояли старые кровати с небольшими письменными столиками, практически ничем не отличалась от уже увиденного мной интерьера, разве что высокое окно, занавешенное симпатичной занавеской голубого цвета, на которой были едва заметны выцветшие от времени бабочки, придавало этой комнате некое подобие уюта. Все же остальное навевало лишь тоску и не более того, ведь даже серенькие покрывала, которыми были накрыты аккуратно застеленные кровати девочек, и те словно сами просились в топку, и уж никак не подходили для того, чтобы ними накрывали постели будущих маленьких красавиц.

– Девочки, – громко захлопала в ладоши мадам Розалин. – Принимайте еще одну малышку в нашу большую семью.

С этими словами она подтолкнула меня вперед, и я под пристальными взглядами других жительниц этого особняка прошла в дальний угол комнаты, где женщина указала мне на кровать и стоящий подле нее стол.

– Это твое спальное место, – она стряхнула с кровати крошки и гневно зыркнула глазами на воспитанниц, которые тотчас же отвели взгляды. – А здесь будешь делать уроки. Конечно, если мать твоя их оплатила, – пожала она плечами и приподняв брови окинула меня взглядом.

– А моя мама говорила, что здесь все занятия должны быть бесплатны и вы не имеете права требовать платы за них, – проговорила девочка лет восьми, которая сидела на подоконнике, поджав ноги, и нагло поглядывала на мадам Розалин.

– О, ее светлость соизволила говорить со мной! – мадам Розалин повернулась и уперев руки в боки окинула недовольным взглядом девочку. – Вам-то чего беспокоиться о таком? Любовник вашей матери проплатил ваше присутствие здесь вплоть до вашего совершеннолетия, включая не только присмотр и питание, а и учебу, одежду и прочие мелочи нашей столь однообразной жизни, – Розалин явно совершенно не заботили чувства девочки.

– Кто такой любовник? – шмыгнув носом спросила я у светловолосой девочки примерно моих лет, кроватка которой стояла рядом с моей.

– Это как муж, только богатый, – протянула тихо в ответ она и с видом знатока вздернула подбородок.

– Мои-то оплачены и слава богу. Но у многих ведь нет, – строго проговорила девочка на подоконнике, и я с интересом стала ее разглядывать.

Худенькая восьмилетняя девчушка была похожа не маленькую фэйри, которых я иногда могла видеть в мчащихся по городу богатых экипажах, но если верить мадам Розалин, то ею она не была, но походила под это описание так уж точно. Длинные, точеные руки и ноги, тонкие черты лица, крупные миндалевидные голубые глаза в обрамлении длинных, светлых ресниц, розовые пухлые губки,

насмешливый изгиб которых говорил, что сие маленькое чудо было довольно-таки избаловано и вряд ли знало, что такое подчинение. Довершением же сказочного образа были великолепные длинные волосы пшеничного цвета, которые крупными локонами ниспадали девочке до самого пояса, придавая ей какое-то особое величие среди всех остальных воспитанниц с гладко зачесанными волосами, благодаря чему они все выглядели практически одинаково. Даже платье на маленькой красавице было не такое, как на остальных. Одета она была не в простое платье из грубого темного сукна с белым воротничком, нет, на ней было довольно-таки симпатичное муслиновое платье розового цвета, отделанное по краям рюшами, на ногах же у нее были симпатичные белые туфельки, каблуком которых она постукивала по подоконнику, нагло поглядывая на мадам Розалин.

– Ох, мисс Катрина, остра вы на язычок не по годам, – недовольно кинула женщина в ответ. – Учились бы лучше так же хорошо, как вмешиваетесь в то, что вас не касается.

– Вмешивались бы взрослые, мне бы не пришлось, – Катрина спрыгнула с окна и гордо вскинув голову подошла ко мне, протянув руку. – Катрина Эндэльборн. А тебя как зовут?

– Селена, – я осторожно пожала руку девочки, прижав к себе покрепче мишку.

– Ну, добро пожаловать, Селена, в наш маленький лживый мирок, – усмехнулась девочка, потрепав моего мишку за лапку.

– Катрина, – прикрикнула на нее мадам Розалин, услышав такую реплику. – Думайте, что говорите!

– Вот я и говорю то, что думаю, – девочка подмигнула мне и развернувшись вышла из комнаты.

– А ты переоденься в чистое платье, – кивнула мадам Розалин на лежащую на кровати одежду, – скоро ужинать будем, – с этими словами она вышла вслед за Катриной, оставив меня среди других воспитанниц, которые тотчас же обступили вокруг, наперебой задавая вопросы.

– Сколько тебе лет? – спросила одна пухленькая девочка лет восьми, с смешными веснушками на носу, которые четко выделялись на ее белоснежной коже.

– Уже шесть, – ответила я.

– А откуда ты? – просила другая девочка, с черными, как смоль, волосами, которые были туго заплетены в толстенную косу, переброшенную через плечо.

– Отсюда, из столицы, – ответила я, пожав плечами.

– А почему ты здесь оказалась? – спросила та девочка, с которой я уже успела перекинуться парой фраз.

– Не знаю. Но мама сказала, что это ненадолго. Она решит свои важные вопросы и сразу же заберет меня, – важно ответила я.

– Они все так говорят, – пробурчала сидевшая на стуле худенькая девочка с милыми косичками рыжего цвета.

– А я свою вообще никогда не видела. Умерла, когда я совсем маленькая была, – шмыгнув носом ответила моя соседка по кроватям. – Меня Кристина зовут, – она пожала лапу моего медведя и добавила, – глаз можно пришить ему. На кухне работает мадам Эмма, ее можно попросить. Она очень хорошая.

– Нет, – убрала я мишку за спину. – Он мне такой нравится.

Мой одноглазый медведь был для меня большим сокровищем, поскольку навсегда запомнила фразу моего отца, сказанную в тот момент, когда я, заливаясь слезами, искала по комнате маленькую пуговичку, бывшую некогда глазом у моей игрушки:

– О, да он ведь одноглазый Робин теперь! – на лице отца было написано восхищение.

– Кто такой одноглазый Робин? – спросила я тогда, недоверчиво посмотрев на медведя.

– Это самый грозный пират на морских просторах. Он бесстрашный, сильный и ему нет равных в покорении морской стихии, – ответил отец и после этих слов я уже по-другому посмотрела на старенького, одноглазого мишку, который был моим спутником едва ли не с пеленок.

– А вот и его глаз, – отец поднял с пола маленькую пуговку и протянул мне.

– Нет, не надо. Пусть лучше будет как пират, – замотала я головой. – Ты ведь тоже как пират? Только с глазом, – спросила я тогда у отца, обняв его и вдохнув запах одежды, насквозь пропитанной ароматом моря.

– Ну да, как пират, – усмехнулся он и потрепал меня за косичку. – И этому пирату нужно снова отправляться в плавание.

Он поцеловал тогда меня и вышел из комнаты. Больше я его не видела. Говорили, что его судно затонуло во время шторма, некоторые же твердили, что оно было захвачено и правда пиратами. Но, как бы там ни было, человек, на плечах которого держалось все в нашей семье, пропал и больше в моей жизни и жизни матери не появился. С того самого момента и пошло все наперекосяк для меня, маленькой девочки, мать которой была слишком молода и красива, чтобы оставаться одной, а если учесть, что еще ко всему прочему и бедна, то появление в ее жизни богатого любовника было более чем ожидаемо. Но внимание любовника и материнство было невозможно совмещать, поскольку высокомерный барон мог заявиться к матери среди ночи и потребовать, чтобы она собиралась с ним в какую-то очередную поездку или еще куда. Поэтому мама металась между ним и мной, но когда мужчина поставил ультиматум матери, то она была вынуждена под его давлением отправить меня в этот пансион, дабы не потерять единственного человека, который не давал умереть с голоду как ей, так и мне. Это потом уже я начала понимать, что она могла поступить иначе, а не просто сбагрить меня в невесть какое заведение, подкинув как бездомного котенка в пансион, в котором воспитывались в основном сироты богатых родителей, опекуны которых не очень-то хотели возиться с осиротевшими детьми, а также незаконнорожденные, до которых вообще мало было дела родителям.

В тот момент я свято верила в то, что она вернется и заберет меня, как только уладит все вопросы с мужчиной, который содержал ее. Но не вернулась и для меня началась новая жизнь с нескончаемой вереницей однообразных будней,

наполненных молитвами, учебой и мелкими обязанностями, которые были у каждой девочки. Благо, мое содержание в пансионе оплачивалось исправно, и я спокойно жила под его крышей, чего нельзя было сказать о других девочках. Ведь стоило только кому-то из родителей не внести уплату за пребывание в стенах заведения, как девочек сразу же отстраняли от уроков и даже в столовой усаживали за отдельный стол, где во время еды перед ними ставили лишь деревянные тарелки с густой овсяной кашей, есть которую не хотел даже наш дворовой пес, смешно фыркая своим носом, если кто-то выбрасывал эту кашу ему.

Дружила я в этих стенах с Кристиной, которая была моей одногодкой, да с Катриной, которая была неким подобием моей сестры, с первых дней моего пребывания в пансионе взяв меня под свое крыло, чем избавила от львиной доли неприятностей, которые преследовали других воспитанниц. Ведь внутри коллектива девочек велась всегда негласная война за место под солнцем, если это можно было так назвать. А этим самым солнцем была для нас мадам Дизар, которая решала, кто и что ест, где сидит, сколько часов в сутки спит или же корпит над чтением библии. Ну и Катрина, которая была ее любимицей, всегда подтягивала нас с Кристиной к себе поближе, давая погреться в лучах этого светила в лице строгой директрисы пансиона.

– А кто твои родители? – спросила я как-то, качаясь на качелях рядом с Катриной.

– Моя мама – графиня Эндельборн, кто отец – она не говорит. Знаю только, что это какой-то ее любовник, – просто ответила девочка, прищуривая глаза от яркого солнца, которое играло на ее светлых волосах.

– Сама графиня, – восхищенно пролепетала тогда я, ведь для меня, дочери простой портнихи, звучание титула было подобно какому-то волшебному слову.

– Да, графиня. Но я бы предпочла, чтобы моя мать была простой крестьянкой, – усмехнулась Катрина.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что тогда бы я росла подле нее. А не проводила все детство среди чужих мне людей практически взаперти в этом чертовом пансионе, – она с

неприязнью окинула взглядом особняк.

– А почему она тебя не заберет? Она же графиня, – развела я руками, с наивностью полагая, что раз уж у женщины есть такой титул, то она всесильна.

– Потому, что я незаконнорожденная, – проговорила Катрина. – У матери есть муж, он старше намного нее. Вот она когда-то и завела себе любовника, потом забеременела, родила, но оставить меня подле себя ей не разрешили. Поэтому и отдала она меня сюда, – девочка говорила обо всем так спокойно, что даже мне стало тогда не по себе от того, как она, десятилетняя на тот момент девчонка, могла так спокойно рассуждать о матери и ее жизни.

– А моя мама вот и забыла уже, что у нее есть дочь, – я с грустью откинула голову назад и посмотрела на небо.

На тот момент я уже не плакала, нет. За два года, проведенных в стенах пансиона, я выплакала, наверное, все глаза, как недовольно говорила мадам Дизар, найдя меня в очередном укромном уголке пансиона с напрочь промокшим подолом платья, которым я вытирала льющиеся слезы. К восьми же годам я уже даже практически смирилась с тем, что так, скорее всего, и не увижу больше маму. О ее былом присутствии в моей жизни напоминал лишь старенький одноглазый мишка, которого я регулярно доставала по вечерам из-под подушки и укладывала с собой рядом, как немое напоминание мне о том, что я хотя бы знала, кто мои родители в отличие от других воспитанниц, таких же незаконнорожденных девочек, которые в отличие от Катрины и меня, и знать не знали, кто платит за их содержание в пансионе.

Однажды, на какой-то праздник я и другие девочки, одетые в свои нарядные платья темно-синего цвета с белыми рюшами по краям, вышли из пансиона и направились в близлежащую церковь, весело щебеча и радуясь этакой вылазке за пределы нашего скучного мирка. Около одного из красивых особняков, мимо которого мы проходили, я увидела дорогой экипаж, из которого выходила красивая молодая женщина в просто невероятном платье. Залюбовавшись ее одеянием, я приостановилась и переведя взгляд на ее лицо застыла в немом недоумении, ведь передо мной была моя мама. Нет, не та мама, одетая в простое голубое муслиновое платье, в котором я видела ее в последний раз. Не та мама, волосы которой были собраны в незатейливую прическу, локоны которой небрежно падали на ее точеные плечи. Не та мама, от которой пахло дешевенькой душистой водой с запахом ванили. Передо мной была разодетая в

дорогие шелка красавица с прекрасной прической, над которой явно не один час трудилась служанка. Передо мной была напудренная, благоухающая умопомрачительными духами, до жути прекрасная дама с надменно приподнятой бровью над затянутыми томной поволокой красивыми глазами изумрудного цвета.

– Мама, – прошептала я себе под нос, с неуверенностью сделав шаг в сторону женщины. – Мама, – громко закричала я и рванула к ней.

– Селена, вернись! – закричала вслед мадам Дизар, но меня мало это волновало.

Подбежав к матери, я ухватила ее за руку, на которой была надета перчатка из тончайшего шелка.

– Мамочка, мамочка! – по моим щекам текли слезы, и я ничего кроме этих слов произнести не могла.

Женщина испуганно посмотрела на меня и застыла в немом недоумении разглядывая меня.

– Азалия, кто это? – нахмурившись спросил стоящий около нее немолодой мужчина в не менее дорогом костюме, чем платье моей матери. Был он, скорее всего, фэйри, поскольку такой небесной голубизны оттенок глаз встречался только у них.

– Не знаю, Джорах, – мать растерянно улыбнулась ему и перевела на меня взгляд, – ты ошиблась, милая, – она осторожно выдернула свою руку из моей ладони. – Я не твоя мама.

– Как не моя мама?! Мама, что ты такое говоришь! Это же я, Селена Мария, мамочка! Или ты меня не узнаешь? – с отчаянием смотря в глаза матери прошептала я.

– Прости, солнышко, – мать провела рукой по моему плечу и развернувшись пошла в особняк, взяв под руку мужчину, который недовольно окинул меня взглядом.

За ней захлопнулась дверь, а я растерянно смотрела ей вслед, не понимая, то ли это я и правда могла так обознаться, то ли мама просто не узнала во мне свою дочку, которую оставила на пороге пансиона два года назад.

– Мисс Селена, – дернула меня за плечо мадам Дизар. – Вы знаете, что нельзя выходить из строя, когда мы совершаем шествие в церковь!

– Это была моя мама? – повернулась я к мадам Дизар.

Женщина отвела взгляд и недовольно поджала губы. Так и не ответив на вопрос, ухватила меня за руку и потащила к остальным девочкам, которые с любопытством наблюдали за происходящим.

– Еще раз выкинете такое, на ужин получите только розги, – строго отчеканила директриса и повернувшись повела нас в церковь.

Ступая в своих грубых башмаках по мощеной камнем дороге, я пребывала в каком-то ступоре, не понимая, как можно было так отвернуться от меня? Меня, ее маленькой дочери, которой она всего несколько лет назад читала сказки по вечерам, которой пела песни, держа на руках которую выбегала на встречу моему отцу, когда тот возвращался из очередного плавания. Нет, я точно не могла обознаться, поскольку родной образ навсегда запечатлелся в моей голове, а вот мать, как она могла не узнать меня, я не понимала.

Уже после службы, во время которой я не слышала ничего, кроме мыслей в своей голове, я взяла под руку Катрину и спросила:

– Ты же видела все? Это ведь мама моя была. Точно знаю, я не могла обознаться, – едва сдерживая слезы спросила я у своей подруги, словно ища у нее поддержки в этом вопросе.

Катрина остановилась и, подождав, пока все девочки пройдут вперед, ответила, пожав мое плечо:

– Я не знаю твою маму, но, если это она – лучше молчи об этом и скажи всем, что обозналась.

– Ты что такое говоришь? – я отдернула свою руку и волком посмотрела на Катрину.

– То и говорю, – назидательным тоном проговорила рассудительная не по годам подруга. – Эта женщина – известная на всю столицу куртизанка. А мужчина с ней рядом – граф Джорах, он фэйри. Мало того, он еще и лидер клана темных охотников, которые славятся своей жестокостью.

– А ты откуда знаешь это? – все еще не веря Катрине спросила я.

– Ну мама ведь меня забирает иногда отсюда на пару дней в поместье своей тетки за городом. А тетка эта – сплетница еще та. Однажды к ее мужу по каким-то делам приезжал этот граф, а когда уехал, то тетка и выложила всю его историю от и до, не забыв упомянуть о некоей красавице, его содержанке. Так и узнала. Так что тебе лучше молчать обо всем и если твоя мать сделала вид, что не знает тебя, значит на то были причины. Все знают ведь, что связь с фэйри – это не шутки. Если твоя мама с ним, то тебе в ее жизни места нет и для тебя так будет лучше.

– Что лучше? Кому лучше? – закричала обиженно я и бросилась бежать в пансион.

Просто взлетев на второй этаж по старым, скрипучим ступеням я забежала в комнату и, схватив своего мишку из-под подушки, тихонько дождалась, пока девочки в сопровождении мадам Дизар зайдут в столовую. Затем, оглядываясь быстро вышла на улицу и бросилась в сторону того особняка, где видела мать. Подбежав к нему, я с облегчением заметила, что экипаж находится на том же месте, а значит мама была еще в этом доме. Спрятавшись за стволом необъятного дерева, растущего около начищенной до блеска кованной ограды дома, я прислонилась к нему и, устремив взгляд на вход дома, стала ждать. Не знаю, сколько я так простояла, беспокойно смотря на двери, может около часа. Когда они открылись и на пороге показалась она, моя мама, под руку с графом, рядом с которым шел молодой мужчина двадцати – двадцати пяти лет от роду, я на мгновение застыла, пристально рассматривая ее, чтобы удостовериться в том, что это она, а не какая-то чужая женщина, которую я приняла за свою мать. Спустя минуту от сомнений моих не осталось и следа. Тот же грациозный кивок головы, та же ласковая улыбка, те же жесты и смех, именно такой я помнила ее. Как только все трое вышли за ограду и направились к экипажу, я выскочила из своего укрытия и бросилась к матери.

– Опять ты? – воскликнула она с горечью, едва только я встала перед ней, преграждая всем троим дорогу к экипажу.

– Вот, смотри, – задыхаясь от эмоций я протянула мишку матери. – Не помнишь, как выгляжу я, его-то ты точно должна помнить. Ты шила его из кусочков плюшевой ткани, которые остались от заказа, сделанного нашей соседкой. Ты шила кофту ей какую-то, а лоскутки пустила на мишку. И пуговки, мама, пуговки с платья моего, которое маленькое было уже тогда. Из них глазки сделаны, помнишь? Я одну тогда потеряла, а папа сказал, что мишка теперь как пират. Я не захотела пришивать второй глаз ему именно поэтому. Ты же помнишь, правда? – быстро проговорила я, растирая по щекам слезы.

Мать взяла осторожно мишку и по ее дрожащим рукам я поняла, что она ничего не забыла.

– Мама, – прошептала я, вглядываясь в до боли родные глаза, которые с таким отчаянием смотрели на меня сверху вниз. – Мамочка, – осторожно дотронулась до ее руки.

Но в этот момент ее спутник гневно выдернул медведя из рук матери и отшвырнул в сторону, сухо сказав при этом:

– Вы обознались, маленькая мадмуазель, – с этими словами он схватил за предплечье мою мать и просто-таки затащил в экипаж, тихо проговорив при этом жестким тоном, – я же сказал тебе, никакого прошлого из твоей жизни рядом со мной!

– Да как вы смеете! – закричала я на него.

– Пошла прочь, – гаркнул он мне в ответ. – Еще раз увижу рядом с нами – отправлю в заведение для бездомных, – с этими словами он с треском захлопнул перед моим носом дверь экипажа так, что едва не вылетели стекла.

Я растерянно смотрела на закрытую дверь, пытаясь прийти в себя от всего случившегося. Когда же кучер стегнул лошадей, увозя ту, которая была дороже всех на свете для меня, беззвучно заплакала. Молодой мужчина, который все это время молча наблюдал за всем происходящим, опустился на корточки рядом со

мной, поднял с земли моего медведя, отряхнул его и протянув мне сказал:

– Не плач. Так бывает. Ты просто могла обознаться, – мягкий, бархатный баритон вернул меня к действительности.

– Вы не понимаете, – шмыгнула я носом и взяла в руки медведя.

– Я все понимаю. Когда-то сам потерял мать и в каждой мало-мальски похожей на нее женщине видел ее и так же, как ты, хватал за руки в надежде на то, что это она, – ответил мужчина, протянув мне белоснежный платок, в который я тотчас же высморкалась.

– Но моя мама не умерла. Это она, – топнув ногой указала я в сторону, куда уехал экипаж, затем повернулась и посмотрела мужчине в глаза, нахмурившись при этом. – Вы тоже фэйри, как и он?

– Да, – пожал он плечами, с интересом смотря на меня своими небесно-голубыми глазами, которые создавали такой необыкновенный контраст с его темными волосами, ресницами и бровями.

– Значит фэйри не такие уже и добрые, как нас в пансионе учат, – скривила я нос, окинув взглядом своего собеседника.

– Отчего же?

– Ну раз он так маму мою в экипаж зашвырнул и мишку моего в грязь кинул. Какой же он добрый? – назидательным тоном задала я вопрос.

– Для некоторых доброта – это роскошь. Иди лучше домой, – мужчина ласково поправил мои разметавшиеся волосы, явно не собираясь отвечать на мой вопрос. – Все у тебя будет хорошо. Когда-то ты и правда найдешь свою маму. Или она тебя, – усмехнулся он краем губ.

– Я ее уже нашла. А вы совсем не такие, как нам о вас рассказывают. Наверное, вервольфы и то получше будут. Они хоть в волков превращаются, а животные не могут быть плохими. А вот вы кто? Не то ангелы, не то демоны, сам черт вас не разберет, так я слышала говорила о вас мадам Дизар, – пробурчала я и

протянула мужчине платок.

– Оставь себе, – щелкнул он меня по носу пальцем, не обратив на мою реплику внимания, поднялся на ноги, развернулся и пошел в дом.

Я же растерянно посмотрела на белоснежный платок из тончайшего шелка. Быстро запихав его в карман, развернулась и поплелась в пансион, где, как я знала, меня ждала невесть какая порка розгами за то, что посмела покинуть территорию вот так, без позволения мадам Дизар.

Глава 2

– Крис, как Катрина? – устало поставив на пол пустую корзину из-под белья я тихонько подошла к подруге, которая сидела у изголовья кровати, на которой лежала девушка, хриплое дыхание которой периодически прерывалось тихим стоном.

– Жара вроде бы нет, – Кристина осторожно потрогала ее лоб, который поблескивал при свете лампы от выступивших на нем капелек пота. – Даже поела немного. Может на поправку уже пойдет, – надежда в голосе Кристины не была чужда и мне, ведь я до боли хотела, чтобы Катрина вновь встала на ноги после продолжительной болезни, которая уложила ее в кровать уже как месяц назад.

– А врач что говорит? – спросила тихо я, зная, что Катрину осматривает лучший лекарь столицы, поскольку мадам Дизар очень переживала за ее жизнь, поэтому и ухаживала за ней так, словно она была не просто одной из ее воспитанниц, а самой что ни на есть наследной принцессой. Да это было и не мудрено, ведь на содержание Катрины мать выделяла просто баснословные деньги.

– Ничего не говорит, – недовольно нахмурила брови Кристина. – Пришел, послушал, какие-то лекарства снова оставил и уехал.

– Господи, хотя бы забрали ее уже отсюда, что ли. Ей через два месяца ведь восемнадцать уже будет. Мать обещала устроить ее по осени в колледж

искусств. Ну сколько можно вот так держать ее за этими стенами, словно она какая-то преступница, – возмущенно прошептала я, положив руки на спинку кровати.

– Я слышала, как мадам Дизар сказала Розалин, что мать Катрины боится ее отца. Она не говорила почему, но раз ее тут держит, то причина ведь не абы какая должна быть, – пожала плечами Кристина.

– Ты тоже думаешь, что ее отец – фэйри? – тихо спросила я.

– А то чего думаешь мамаша-то боится? Может отберет девочку у нее и все. Заберет вот так на земли фэйри и не увидит она больше Катрину. Наши ведь женщины очень редко беременеют от них, и отцы всегда очень трепетно относятся к таким детям. А этот, вдруг вообще он и не знает, что дочка у него есть. Не зря же Катрина жила столько лет здесь. А вообще, думаешь матери нужно, чтобы дочка переняла все от этих крылатых? Она ж если полукровка, так по достижении нею восемнадцати лет должна пройти инициацию с их силами этими чертовыми. А оно надо ей? Они вроде-то и похожи на нас, ан нет, змеюки еще те. Кровь фэйри дает о себе знать. А так она достигнет восемнадцати лет и все, сущность фэйри в ней испарится, как вода из котелка и будет наша Кэт чистой воды человек. Вот мать особо и не афишировала рождение девочки, – как всегда с видом знатока проговорила Кристина, кивнув головой.

– Да уж, лучше пусть без этой подноготной будет, а то вот так иногда как вижу их, что полукровок, что чистокровных – ну голубая кровь, да и только. Как посмотрят своим презрительным взглядом, мурашки прям по коже, – проговорила я, вспомнив презрительный взгляд фэйри, любовника матери.

– Ну да, а как слюни пускать на нас, так куда и девается голубая кровь, – хмыкнула Кристина.

В этот момент дверь в комнату резко распахнулась и внутрь быстро вошли четверо мужчин-фэйри в черных костюмах с вышитым гербом на плече в виде скрещенных мечей, увитых плющом. За ними следом вбежала мадам Дизар.

– Я не знала, что девочка была полукровкой! Мать не ставила меня в известность! Клянусь вам! – заламывая руки она испуганным взглядом смотрела на высокого мужчину в зеленого цвета камзоле, темных штанах и высоченных

сапогах со шпорами.

– Будете объяснять это клану надзора за правилами, – ледяным тоном проговорил мужчина, кивком головы отдавая приказ своим подчиненным, двое из которых ухватили мадам Дизар под руки, а двое других двинулись к кровати, на которой спала Катрина.

Смотря в ужасе на все происходящее, я вмиг кинулась к девушке, загородив ее собой.

– Куда вы ее собираетесь увозить? – с ужасом смотрела на носилки, которые принесли с собой мужчины. – Она болеет сильно! Ее нельзя перевозить сейчас! Она умереть так может! – возмущенно оттолкнула я того, который хотел было отодвинуть меня в сторону.

– Мадмуазель, вам лучше не вмешиваться! – мягким тоном проговорил мужчина, перед которым мадам Дизар едва ли не падала на колени.

– Нет, скажите сначала, куда вы ее забираете! – понимая, что на меня никто здесь не обратит внимание и Катрину в любом случае увезут, я уже более мягким тоном добавила, – пожалуйста! Она мне как сестра. Скажите, что с ней будет?

Мужчина подошел ко мне и смотря на меня сверху вниз, поскольку был он под два метра ростом, ответил так, словно знал, о чем мы с Кристиной говорили всего пару минут назад:

– С вашей подругой все будет хорошо. Мы заберем ее к отцу. Мать ошибку сделала, когда скрыла ее. Девочка может умереть, если не провести обряд инициации с силами фэйри. Она ведь полукровка, без этой инициации она жить не будет. Тебе не о чем переживать, – бархатным голосом проговорил мужчина, словно успокаивая меня.

– Но говорят ведь, что полукровка, достигнув восемнадцатилетнего возраста, просто теряет магию фэйри, которая живет в ее крови, – я мельком кинула беглый взгляд на Кристину, поскольку это именно она такое мне наплела, а насколько это было правдой, я не знала.

– Как тебя зовут? – задал вопрос мужчина.

– Селена, – ответила я.

– Селена. Вы, люди, живете домыслами и порой такие сказки рассказываете о нас, которые не имеют ничего общего с действительностью. Полукровка погибает, если до восемнадцати лет не сделать то, что необходимо. Поэтому твоя подруга и угасает медленно сейчас. Если бы не врач, который понял, что здесь что-то не так и не пришел бы к нам, то уже через пару недель вы бы ее хоронили.

– Вы не врете? – нахмурилась я.

– Фэйри никогда не врут, в отличие от вас, – усмехнулся презрительно мужчина и развернувшись направился к выходу, кивком дав знак остальным следовать за ним.

Когда Катрину положили на носилки и вынесли из комнаты, а мадам Дизар вывели следом, мы с Кристиной переглянулись, не понимая, что же теперь будет дальше, ведь на мадам Дизар держалось наше заведение, и хоть она была далеко не самой доброй директрисой, но мы все понимали, что своим уровнем образования, воспитания и прочими важными сторонами своей жизни, проведенной здесь, мы были обязаны именно ей.

Спустившись через какое-то время следом, мы с Кристиой, как и другие девочки пансиона, собрались в зале у камина, тихонько перешептываясь между собой. Каждая из нас хоть и не очень любила мадам Дизар, но в свете нынешних событий переживала за ее судьбу, поскольку все знали, что нарушение законов, касающихся фэйри, каралось жестоко и какова участь ждала женщину, которая всю жизнь положила на службу детям, никто не знал. Спустя какое-то время в зал вошла мадам Розалин, которая всегда во время отсутствия мадам Дизар замещала ее.

– Мадам Розалин, что теперь будет? – спросила обеспокоенно Кристина. – Мадам Дизар ведь отпустят?

Женщина устало окинула всех нас взглядом и сказала:

– Не знаю, девочки мои, что будет с мадам Дизар. Нужно дождаться теперь решения короля или клана надзора, и уж потом станет все ясно. А пока мы можем только молиться о ней. Больше мы ей ничем не поможем.

– Правильные слова, – раздалось позади нас и повернувшись мы увидели высокую молодую женщину, которая так тихо подошла к нам, что никто не услышал даже.

– А вы, простите, кто? – строго спросила у женщины мадам Розалин.

– Я новая директриса вашего пансиона, – спокойным тоном ответила голубоглазая красавица, окинув всех нас своим томным взглядом, в котором, несмотря на кажущуюся мягкость, так и проскакивали презрительные искры, которые были так присущи взгляду чистокровных фэйри в те минуты, когда они смотрели на нас, людей.

– Нас никто не предупреждал о том, что будет такая замена, – в голосе мадам Розалин отчетливо слышались нотки недовольства, поскольку она с мадам Дизар работала бок о бок в пансионе около двух десятков лет точно, и точно ох как нерадостно восприняла известие о том, что управлять заведением будет теперь фэйри.

– А вы что, занимаете какую-то важную должность здесь, что вас обязаны были заранее предупредить о моем приходе? – насмешливо спросила женщина, окинув взглядом невысокую фигурку мадам Розалин.

– Нет, но все же. Мы вас не знаем, никто не предупреждал о том, что вы будете теперь здесь вместо мадам Дизар, – сухо бросила в ответ женщина.

– Такого оповещения вам будет достаточно? – усмехнулась фэйри, протянув мадам Розалин бумагу с печатью короля.

– Вполне, – мадам Розалин бегло прочитала бумагу и вернула ее новоприбывшей директрисе.

– Ну и чудно, – съехидничала та и повернулась к нам, окинув всех своим стальным взглядом. – Меня зовут леди Румелия. С сегодняшнего дня я ваша

новая директриса, и вы, красавицы, переходите под мою опеку.

– А как же мадам Дизар? – спросила одна из девушек.

– Мадам Дизар? Мадам Дизар ближайшие несколько месяцев ждет разбирательство по делу укрытия полукровки в этих стенах. Такой ребенок и рос в этом, – она презрительно окинула обстановку комнаты.

– Она не укрывала ее! – возмутилась я. – Она вообще не знала, что Катрина была полукровкой!

– Ты в этом уверена? – сузив глаза спросила фэйри, подойдя ко мне ближе.

– Уверена. А почему нет? Кто о таком может знать? Это у вас вон глаза неестественно голубые, это ваша отличительная черта, которая не дает вас спутать ни с кем из людей. А полукровки они как мы, люди. Как можно о таком догадываться? – пожала я плечами, наблюдая за женщиной, которой, скорее всего, мое заступничество за бывшую директрису не очень-то понравилось.

– И то верно, – усмехнулась фэйри. – Но, тем не менее, факт остается фактом. В этих стенах почти восемнадцать лет жила полукровка и чуть не погибла. А знала, не знала о ее происхождении ваша мадам Дизар, это уже другой вопрос и не нам в нем разбираться. А теперь покажите мне все документы, касающиеся работы пансиона, – женщина резко повернулась в сторону мадам Розалин.

– Как скажете, – сухо бросила та ей в ответ и направилась в сторону кабинета мадам Дизар.

Мы же разбрелись по особняку, поскольку уроки были отменены в связи со сложившимися обстоятельствами. Мы с Кристиной поплелись на кухню, где, усевшись за стол, задумчиво начали потягивать из чашек заботливо приготовленный кухаркой чай.

– Что ж теперь будет? – тихо пробурчала я себе под нос, смотря на парующую в моей чашке жидкость.

– Что-что, – хмыкнула сидящая напротив меня одна из воспитанниц, – раз фэйри даже руководить пансионом для людей поставили, и дураку ясно, что они становятся главными в нашем государстве.

– Да что ты такое говоришь, – махнула на нее рукой сердито Кристина.

– Говорю то, что слышала уже не раз, – возмутилась девушка. – Вы что, совсем слепые или глухие? Разве вы не видите, что они заправляют практически всем теперь? Школы, пансионы, суды, совет при короле и тот состоит на половину из представителей кланов фэйри.

– Просто король хочет, чтобы мы были равны с ними. Что здесь плохого? – пожала плечами Кристина.

– Как что? Ты что, не понимаешь? Если раньше наше государство сколько раз пытались захватить то вервольфы, то ведьмы, то вампиры, но мы всегда давали им отпор. А эти под видом помощи просочились на наши земли да без единой военной стычки практически оттеснили нас на второй план. Еще чуть-чуть и все, будем рабами у них, – девушка с такой злобой это сказала, что мне стало не по себе.

– Фэйри и правда на равных с нами сейчас, – спокойно проговорила я. – Но это если смотреть на них, как на другой вид, другую сущность. Но ведь если принимать их как своих, то ничего страшного в этом ведь нет.

– Нет? – хмыкнула девушка. – Хорошо, будем смотреть как на равных. А они на нас так смотрят? Ты не задавалась вопросом? Мадам Дизар зачем тогда увезли сегодня, если мы с ними равны? Ну пускай бы себе забрали Катрину, а зачем ее вот так, под конвоем прям увели! Это ли не сигнал о том, что все, мы так, второй сорт на своих же землях!

Мы с Кристиной переглянулись, покачав головами, поскольку ведь никогда над этим не задумывались серьезно.

– И вообще, против кого мы объединились с ними? Против вервольфов? А чем вервольфы хуже фэйри? – хмыкнула она.

– Ой, не скажи, – замахала руками Кристина. – Мне даже бабушка рассказывала о прошлой войне с ними. Сколько наших тогда полегло и, если бы не фэйри, нас уже может и как вида не существовало бы.

– Ладно, что вам говорить, – окинув презрительным взглядом нас, девушка встала из-за стола и забрав чашку с чаем пересела к другим воспитанницам, которые так же шептались за столом напротив.

– Почему она так против фэйри? – удивленно окинула я взглядом девушку, которая раньше в такой неприязни уличена не была и всегда с уважением высказывалась в их адрес.

– Селена, ты вообще все время это здесь жила или нет!? – удивленно посмотрела на меня Кристина. – Отец хотел устроить ее брак с сыном фэйри, приближенного к королю. Да тот отказал, посчитав, что сие чудо, – кивнула в сторону смеющейся девушки, – достойно только быть украшением борделя, куда захаживает его сын.

– Да ты что! – с ужасом проговорила я. – Что, так и сказал прям?

– Ну да. У нее ведь мать – шлюха. Когда она родила, то отдала ее отцу, а тот, недолго думая, спровадил сюда. У самого ведь так детей больше и не было, вот она теперь наследница у нас богатая, – усмехнулась Кристина. – Да только фэйри ведь не чета нам, людям. Какое бы приданое не давали за девушку, они в первую очередь смотрят на ее корни. А там корни с грешком, – прошептала подруга, поведя бровью. – Дочь шлюхи может быть только шлюхой в их понимании.

Я нахмурилась, вспомнив слова, которые мне тогда сказала Катрина насчет моей матери. Именно после услышанного от Кристины почему-то подумала, что, возможно, мать была права, когда решила не появляться в моей жизни более. Ведь, если верить Катрине, она была куртизанкой, а поскольку сама шла таким тернистым путем, то было более чем понятно, что мне она такой судьбы не желала, а может не только судьбы, но и такой матери, какой была сама. Платила она исправно за мое содержание в пансионе, надеясь на то, что я, выйдя из этого заведения, смогу найти свой, более чистый и честный путь, а может мне так казалось и матери было более чем наплевать на меня, находясь под крылом того голубоглазого исчадия ада, которое тогда швырнуло мою игрушку в грязь.

– Кристина, Селена, – прервал мои размышления голос мадам Розалин. – Вас к себе зовет новая директриса, – женщина даже глаза прикрыла, настолько ей претило произносить эти слова.

– Зачем? – спросила я, поскольку даже мадам Дизар очень и очень редко приглашала к себе в кабинет кого бы то ни было, а эта только пришла, как враз к себе в кабинет вызвала.

– Не знаю, – развела руками мадам Розалин. – Но вы, девочки, осторожнее с ней. Она не такая, как мадам Дизар, это ей судьба каждой из находящихся под этой крышей девочек была небезразлична. А эта…змея она в общем, – тихо сказала она и кивнула нам на выход, давая понять, что идти нужно быстро, иначе промедление будет наказуемо.

– Что ей надо? – нахмурилась Кристина, идя по коридору. – Только приехала, а уже что-то не устраивает ее, царскую особу, будь она неладна!

– Да ладно тебе, – одернула я ее. – Не нужно раньше времени так на нее говорить. Мы ее не знаем совсем, а вдруг она не плохая?

– Посмотрим. Надеяться надо на лучшее, а быть готовой к худшему, – тихо ответила Кристина.

Остановившись перед дверью, мы тихо постучались и, услышав разрешение войти, переступили порог кабинета, в котором практически никогда раньше не бывали.

Леди Румелия, как она себя называла, сидела за длинным столом из красного дерева и курила сигарету в длинном мундштуке, рассматривая какие-то документы, лежащие перед ней. Как только мы вошли и остановились по центру комнаты, она перевела на нас взгляд и прищурив глаза окинула с ног до головы своим пронзительным взглядом голубых глаз.

– Садитесь, – кивнула она на стоящие подле стола стулья и когда мы заняли свои места, проговорила, кивнув на документы, – я бегло ознакомилась с делами всех девочек и из всех меня заинтересовали именно ваши.

– Чем? – сухо спросила я, нутром чуя, что не к добру весь этот начавшийся разговор.

Фэйри молча докурила сигарету и когда от нее остался лишь пепел в хрустальной пепельнице, отложила мундштук в сторону и сказала:

– Начнем с тебя, – кивнула она на Кристину и положила перед ней листок, на котором были написаны какие-то цифры в столбик. – Ты, я так думаю, не знала, что три года назад умер тот, кто оплачивал твое содержание?

Кристина испуганно посмотрела на лист и перевела взгляд на женщину.

– Нет, не знала. Платил двоюродный брат моей покойной матери и старался делать это исправно. Но я никогда его не видела и тем более не общалась, а мадам Дизар никогда ничего мне не говорила о нем, поэтому я ничего не знала о его смерти, – сказала подруга с нотками тревоги в голосе, прекрасно понимая, чем было чревато наличие долга за пребывание в пансионе.

– Ясно, – скривила губы в презрительной улыбке красавица и перевела взгляд на меня. – У тебя еще более печальная картина, – она положила передо мной бумагу тоже, и я, увидев внизу листа подытоженную сумму, просто глаза прикрыла. – За твое содержание перестали платить семь лет назад, – женщина откинулась на спинку стула и изучающе окинула меня взглядом.

Я взяла в руки бумаги и удивленно перевела взгляд на фэйри:

– Я тоже понятия не имела, что живу здесь в долг, – кивнула я на бумагу с большой суммой. – Может ошибка какая?

– Да какая ошибка, – забрав у меня бумаги женщина положила их в старую папку и сказала, – эти бумаги подписаны конторой по контролю за долгами, а они точно не ошибаются. И еще, метрика твоя новая совсем, – она показала мне мои документы, – почему?

– Пожар несколько лет назад был, тогда сгорели документы у многих девочек. Да и погибли двое, – проглотив комок в горле ответила я, вспомнив тот злополучный день.

– Понятно, – она окинула нас с Кристиной взглядом и проговорила строго, – в любом случае, вы ведь знаете, что долг за пребывание вы будете должны отрабатывать. Знаете? – строго спросила она.

– Конечно знаем, – я опустила глаза, прекрасно помня тех девочек, которые выходили отсюда с такой обузой на плечах, ведь мадам Дизар никогда отсюда никого не выгоняла, считая, что у девочек должен быть шанс в жизни на достойное будущее, а оно может быть только в том случае, если образование и воспитание будет соответствующим, поэтому до последнего всегда хранила секрет о том, что кто-либо вдруг оставался без финансового обеспечения, дабы раньше времени не бередить душу.

Хотя, скорее всего у нее на то были свои мотивы, ведь отрабатывать девушки долг должны были там, куда она их направляла, а мало кто хотел трудиться портнихой при какой-то капризной графине или выносить утку из-под ополоумевшего богатого аристократа, но мадам Дизар это никогда не волновало и девушкам приходилось год, а то и два забывать обо всем и трудиться не покладая рук, все жалование переводя мадам Дизар, а самим довольствоваться тарелкой супа и крышей над головой. Поговаривали даже, что таким образом директриса поставляла дешевую рабочую силу для тех богатых, кто уж больно дотошно считал каждую копейку, уплывающую из их кошелька. Но я в такие слухи мало вникала, почему-то думая, что моя мать просто не могла не платить за содержание, поэтому свалившаяся на мою голову нерадостная весть в виде этого долга просто выбила меня из колеи.

– И что теперь? – тихо спросила Кристина.

– Теперь…Теперь вам нужно будет отдавать долг, – пожала плечами женщина.

– Мы это знаем. Но до выпуска ведь еще год. Мы можем закончить обучение? – пристально глядя в глаза этой непрошибаемой женщины спросила я.

– К сожалению, нет, – отчеканила та в ответ. – Основную ступень образования вы уже получили, поэтому я не вижу смысла тратить на вас еще хоть копейку. Пансион не безразмерный, детей, которых хотят сюда пристроить – очень много. Поэтому, вы с сегодняшнего дня должны будете приступить к выполнению обязанностей, которые будут приносить вам деньги, мои дорогие. Поскольку невыплата долга – вещь наказуемая. Думаю, вам не нужно об этом напоминать, –

хищно прищурила глаза красавица и мне прям захотелось вцепиться ногтями в ее белоснежное, напудренное, холеное лицо. – А поскольку работать вы должны там, куда я вас направлю, то об этом сейчас и будем говорить подробнее, – добавила она и закурила еще одну сигарету.

– И куда вы нас отправите? – испуганно спросила Кристина.

– На данный момент у меня два варианта, – проговорила фэйри, окидывая оценивающим взглядом нас с подругой. – Первый. Одному мужчине нужна сиделка. Он некоторое время назад вернулся с приграничной с государством вервольфов территории, где был тяжело ранен и едва выжил. Платить будет хорошо, но работа, сами понимаете, не из легких. Нужна будет моральная выдержка, поскольку ухаживать за кем-то в таком состоянии, дело, мягко говоря, не только не из легких, но и не из приятных, если там что-то серьезное. Я, к сожалению, не знаю всех подробностей.

– И кто этот мужчина? – спросила я, мельком кинув взгляд на Кристину.

– Это граф из клана фэйри темных охотников, – проговорила леди Румелия, пристально глядя на меня.

– Фэйри, – покачала я головой. – А почему вы не найдете ему кого-то из своих?

– Из наших? – удивленно посмотрела она на меня.

– Ну да, – пожала я плечами. – Почему нам, людям, это предлагаете?

– А кому же еще? Такую работу фэйри не будут выполнять, а полукровок – раз, два и обчелся в столице, – хмыкнула женщина и я поняла, что та девушка сегодня была права, когда сказала, что мы для них так, второй сорт и не более.

– А какой второй вариант? – спросила Кристина, которая явно не хотела быть сиделкой у невесть кого.

– Ну, второй более приемлемый, на мой взгляд, для таких милых девочек, – леди Румелия улыбнулась, но именно эта ее улыбка и насторожила меня.

– И чем же он такой более приемлемый? – съязвила я.

– Тем, что это не будет грязной работой, – прощебетала она. – В одно заведение, которым руководит моя сестра, нужны помощницы. Навести порядок, принять гостей, красиво украсить стол, сыграть может что-то или спеть вечером. Я ведь знаю, что вас здесь всему этому обучали. В общем, быть на подхвате. Это по началу, а потом сестра уже посмотрит на вас и определит для вас более узкий круг обязанностей, которые вы будете выполнять.

– Что за заведение? – сухо спросила я.

– Это кабаре «Яд», – ответила фэйри, не преставая мило улыбаться.

– Бордель? – недоверчиво протянула я, не до конца понимая еще, то ли она шутит, то ли действительно предлагает такое.

– Да бог с вами, мои хорошие. Какой же бордель! – воскликнула леди Румелия. – Это всего лишь развлекательное заведение.

– Развлекательное заведение для фэйри, – проговорила Кристина. – В котором наши девушки вытанцовывают с обнаженными ногами и невесть в каких откровенных костюмах. В котором льется рекой вино, а на втором этаже ваши мужчины придаются развлечениям с понравившимися им танцовщицами. Нет, это не бордель. Это рай, – хмыкнула она.

– Господи, а ты откуда обо всем этом знаешь? – моему удивлению не было предела.

Кристина ничего не ответила и только отмахнулась.

– Да, это заведение исключительно для наших мужчин и приближенных короля. Но, чтобы вы не думали, что это какое-то грязное место, скажу вам, что туда по выходным захаживает и его величество со своими близкими друзьями. Нет, – вздернула она руку, поймав мой презрительный взгляд, – он не ходит туда к женщинам. Он просто любитель яркой обстановки, а там очень и очень все празднично проходит всегда. Танцы, музыка, красивые женщины на сцене, занимательные игры в карты, почему нет?

Я только головой покачала в ответ на такую интерпретацию того, что происходило в том злачном месте, о котором были наслышаны даже мы в пансионе.

– И самое главное, – уже более строгим тоном проговорила леди Румелия. – Работая в этом заведении вы сможете выплатить долг намного быстрее, чем если будете выносить утку, – хмыкнула она. – Кристина выплатит за год, а ты, Селена, за два года. Тогда как работая на графа этот срок увеличится вдвое, – она приподняла бровь и сочувствующе посмотрела на нас.

– Лучше уж год вытирать столы да махать ногами, чем вытирать слюни какому-то полоумному, – скривив губы проговорила Кристина.

– Ты что!? – я враз повернулась в ее сторону. – Ты же сама сказала, что это бордель!

– Ну и что? – пожала она плечами. – Что тут фэйри, что там. Неизвестно что там за мужчина, сколько ему лет и в каком он состоянии. Здесь хоть более-менее понятно все. Заставлять меня ложиться под них ведь никто не будет? Могу ведь отделаться лишь работой в той сфере, которую выберу сама? – спросила Кристина у Румелии, и та утвердительно закивала головой.

– Кристина, ну ты что! – осуждающе проговорила я, зная довольно-таким меркантильные взгляды подруги, которые могли завести ее бог знает куда, если она попадет в то заведение, где фэйри покупали любовь наших женщин.

– А что тут такого? Твоя мать вот, не очень-то думала о том, что раздвигает ноги перед фэйри. Смотри как ради цацек, которыми он ее задаривает, даже о тебе позабыла, – одернула меня подруга и я опустила глаза, понимая, что вообще не должна рассуждать о нравственной стороне кого бы то ни было, раз сама была дочерью той, которая не гнушалась раньше слыть на всю столицу куртизанкой.

– Ты же знаешь, что это дорога в один конец, – тихо сказала я, пытаясь образумить подругу.

– Да в нашем случае любая дорога в один конец, – устало ответила Кристина. – Мы без поддержки, приданого, и прочей мишуры, которая дает дорогу в безоблачное будущее. Кто мы в этом мире, Селена? Никто. Я пойду в кабаре, –

поговорила она леди Румелии, и та довольно улыбнулась.

Я судорожно сцепила пальцы в кулак, пытаясь понять, как же поступить в данном случае, ведь работать слишком долго за уплату долга не хотелось. Но вспомнив тоскливый взгляд матери в тот момент, когда она держала моего мишку в руках, не имея права даже сказать мне, что она и есть моя мама, поскольку стоящий подле нее мужчина был против присутствия дочери в ее жизни и крепко держал ее за поводок, поскольку репутация матери была ох на каком низком уровне, ответила:

– А я лучше утку буду выносить, чем потом не иметь возможности смотреть без стыда в глаза своим детям.

Румелия прищурила глаза и откинувшись на спинку стула едва уловимо кивнула, словно выражая мне свое уважение. Затем хлопнула в ладоши и сказала:

– Тогда идите собирать вещи и спускайтесь сюда через час.

Глава 3

– Как она вообще может такое предлагать! – возмущенно проговорила я, смотря в окно движущегося экипажа, который должен был доставить нас с Кристиной к новым местам нашей работы, будь она неладна.

Девушка ничего не ответила на это, только нахмурила брови и пожала плечами.

– И что, ты будешь там теперь полуголая скакать? – не унималась я, поскольку до ужаса переживала за свою подругу, с которой провела бок о бок столько лет.

– Селена, ты же меня знаешь. Я согласилась только потому, что понимала – работать сиделкой не смогу. Ну продержусь от силы может пару недель, а потом вылечу оттуда. Какая из меня сиделка? А деньги отдавать надо, и поскольку выбор того, что нам предоставила эта голубоглазая змея, не велик, то я и согласилась на это. Все лучше, чем в тюрьму угодить за несоблюдение правил и обязанностей. Не знаю, что меня там ждет, но постараюсь изо всех сил

сохранить свою репутацию, – едва улыбнулась девушка, пожав мою ладонь, словно успокаивая меня. – И если все будет хорошо, то постараюсь и тебе помочь побыстрее выплатить этот долг, нечего тебе пахать там с тем контуженным фэйри целых два года. А потом кофейню свою откроем, булочки будем печь и шоколад горячий по утрам посетителям варить. Помнишь, как мы в детстве мечтали, – она положила голову мне на плечо и мечтательно вздохнула.

– Шоколад с ванилью и корицей, – закрыв глаза я вспомнила этот манящий запах, витавший по утрам в нашем доме, когда еще был жив отец. – Обязательно откроем, – чмокнула я подругу в макушку.

– Так что не будем вешать нос, – выглянув в окно остановившегося экипажа проговорила Кристина. – А вот и это…злачное заведение, – кивнула она в сторону огромного вычурного дома, отделанного светлым камнем, с высокими колоннами, милыми балкончиками на втором этаже, украшенными цветами, и высокими окнами, занавешенными плотными шторами. – Ну, я пошла, – Кристина натянуто улыбнулась и взяв в руки свой небольшой чемоданчик выпрыгнула из экипажа, затем помахала мне и направилась к входным дверям, за которыми ждала ее неизвестность.

Я же, быстро смахнув набежавшие слезы, махнула извозчику и, когда экипаж тронулся, отрешенно уставилась в окно, еще не до конца придя в себя от тех событий, которые столь стремительно меняли мою жизнь.

Спустя минут тридцать быстрой езды по извилистым улицам города, экипаж притормозил у огромного особняка, огороженного кованым забором.

– Приехали, мадмуазель, – сказал извозчик, открывая передо мной дверь и помогая выйти наружу.

– Спасибо, – кивнула я в ответ и протянула ему монету.

Взяв в руки свой багаж, я окинула взглядом дом, который утопал в зелени необъятных деревьев, растущих на окружавшей его территории. Напряженно выдохнув, толкнула тяжелые двери и зашагала по направлению к белеющим ступеням, ведущим ко входу в особняк. Подойдя ближе, я огляделась по сторонам и невольно нахмурилась, посмотрев на высокие входные двери со стеклянными вставками, через которые было видно довольно-таки богатый

интерьер дома. Дернув за колокольчик, сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь сладить с тревогой, охватившей меня. Спустя пару минут дверь отворилась и на пороге появилась высокая женщина средних лет в форменном платье экономки.

– Чем могу помочь? – чопорно спросила она.

– Меня прислала леди Румелия. Я новая сиделка, – сказала я, протянув женщине подписанную фэйри бумагу с рекомендациями.

Женщина взяла в руки бумагу. Нацепив на нос очки быстро прочитала ее и, посмотрев на меня, проговорила строго:

– Вы же без опыта работы.

– Да, – пожала я плечами. – Но в пансионе нас учили всему. Как накладывать повязки, делать уколы, массаж, если нужно. Я терпеливая, трудолюбивая и порядочная.

– И вы думаете здесь вам это поможет? – хмыкнула женщина.

– Ну а что еще должна уметь делать хорошая сиделка? – я едва не вспылила, поскольку насмешливый взгляд этой сухой дамы просто выводил меня из себя. – И, кроме того, если мадам Румелия направила меня сюда, то не вам ведь решать, принимать меня на работу или нет.

Женщина только бровью повела и отойдя в сторону махнула рукой, давая понять, что я могу войти.

Переступив порог и очутившись просто в огромной прихожей, увешанной красивыми картинами, я едва не присвистнула, но вспомнив, что я уже не в пансионе и здесь нужно вести себя не менее чопорно, чем это делает стоящая рядом со мной экономка, я лишь улыбнулась и сказала:

– Здесь очень красиво.

– Да, я думаю вы в своем пансионе такой красоты уж точно не видели. А теперь идите за мной, – кивнула она и повела меня по длинному коридору в отдаленное крыло особняка.

Шагая за женщиной, я, открыв рот, рассматривала внутреннее убранство дома, отметив для себя, что хозяин, скорее всего, очень и очень богатый фэйри, раз даже крыло, где жила прислуга, было с таким вкусом обставлено дорогой мебелью. Зайдя за экономкой в небольшой кабинет, я села на стоящий у дубового стола стул и поставив рядом свой чемодан перевела взгляд на нее.

– Вас ввели в курс дела хотя бы, прежде чем отправлять сюда? – спросила женщина, усаживаясь напротив меня.

Я пожала плечами и ответила:

– Мне сказали только, что нужно быть сиделкой у какого-то фэйри из клана темных охотников. Он кажется граф, так сказала леди Румелия. Вот, собственно и все, что мне говорили об этой работе.

– Нда, я не совсем сиделку имела ввиду, чем слушают, не понятно, – поведя бровью протянула женщина, скривив недовольно губы. – Ладно. Тогда слушайте. Первое, что здесь не должно звучать – это слово «фэйри». Хозяин этого не любит, да и в обществе не принято так обращаться к ним. Странно, что вас этому не учили, – я явно не нравилась этой женщине, поскольку недовольная мина никак не сходила с ее лица.

– Я знаю это. Простите, просто вырвалось, не у людей ведь работать буду, куда от этого денешься, – я правда сглупила, назвав хозяина дома «фэйри».

– Хорошо, но впредь, следите за своей речью, чай, не торговкой пришли работать, – одернула меня она и я едва сдержалась, чтобы не бросить какую-то колкость в ответ на это. – Теперь о хозяине. Его светлость, граф Драган фон Аргон, несколько месяцев назад попал в засаду на приграничной территории и чудом выжил. Но очень пострадал.

– Он лежачий? – выпалила я, но наткнувшись на строгий взгляд прикусила губу и продолжила слушать.

– Он не лежачий, – сухо ответила женщина. – Он не видит. Пока не видит, – уточнила она и я поняла, что не так уж и надолго задержусь здесь, раз есть надежда на то, что фэйри поправится. – Он проходит определенное лечение, и оно дает надежду на то, что зрение к нему вернется. Но это еще не все, – продолжила женщина, пристально наблюдая за мной.

– Господи, а что еще? – спросила я.

– У него нет крыльев, – сказала женщина и я удивленно приподняла бровь, услышав это.

– А что с его крыльями? Нет крыльев…это что, такая прям проблема? – пожала я плечами.

– Сразу видно…далека от понятия того, кто такие фэйри, – пробурчала себе под нос женщина и уже более громко проговорила, – нет, как таковую проблему это не создает. Но вот представьте, что вам отрезали ногу или руку? Будет это проблемой для вас? – прищурила она глаза.

– Но у него же руки и ноги на месте. Ходить может и прочее, – я прекрасно понимала, что она мне говорила и отвечала так только потому, что мне до жути было неприятно то, с каким презрением она смотрела на меня, словно я была какая-то убогая дурочка.

Женщина пропустила мою реплику мимо ушей и продолжила:

– Он боли очень сильные порой испытывает, они его выматывают очень. Он никак не может принять то, что не сможет больше летать. Вы это-то хоть понимаете? – покачала она головой, явно думая, что я бесчувственная донельзя молоденькая вертихвостка, не умеющая сопереживать.

– Понимаю, – уже серьезно проговорила я.

– Ну и хорошо.

– А в чем будут состоять мои обязанности? – задала я вопрос, который ох как сильно меня волновал.

– У графа уже есть помощник, мужчина. На нем лежат основные обязанности по сопровождению или еще чему-то. Вы же будете отвечать за его гардероб, питание, помощь в кабинете, книгу какую почитать, бумаги, письма или еще что-то в этом роде. В общем, быть на подхвате и не более того, – ответила женщина. – Работа не тяжелая. Но это могу сказать только о работе, чего не скажешь о характере его светлости, – тут уже она покачала головой, явно и сама пребывая не в восторге от того, на кого работала.

– И что с его характером? – напряглась я, помня те страшилки, насчет ужасно жестоких, требовательных и строгих сущностей, с которыми мы сосуществовали.

– Характер очень сложный. Не приемлет того, когда ему перечат в чем-то, не прощает ни малейшего проступка или проявлений лени, очень требователен ко всем, кто у него работает. Ну и, плюсом ко всему, находится в очень и очень плохом настроении каждый день, а это сами понимаете, что значит. Поэтому, упаси вас бог сказать что-то против, или же сделать что-то не так, как он сказал, ну или выказать хоть тень малейшего неуважения к фэйри, враз вылетите отсюда без выплаты жалования, – слушая женщину я все больше задавалась вопросом, черт же меня дернул согласиться именно на такую работу.

– Скажите, а до меня сколько уже здесь побывало сиделок? – осторожно спросила я.

– Шесть, – ответила экономка и я едва не присвистнула.

– В общем, надежды на то, что я буду работать здесь долго – нет никакой, – покачала я головой.

– Ну почему же. В этот раз я давала запрос именно на молоденькую девушку на должность помощницы, поскольку ваши предшественницы были уже в возрасте и несмотря на свой довольно-таки колоссальный опыт не могли справиться с работой, поэтому я и подумала, что может ему нужно что-то другое. Может ему нужен кто-то, кто не просто будет выполнять обязанности, а станет для него…другом, – осторожно сказала она и я удивленно приподняла брови.

– Что значит другом? Как я могу быть другом мужчине такого положения и возраста? – моему удивлению не было предела.

– Понимаете, находиться все время рядом с человеком, который видит твои недостатки и при этом понимать, что он смотрит на тебя лишь как на слепого, которому нужно вовремя подать стакан воды, это очень напрягает. Это мое мнение, конечно, но тем не менее. Поэтому я и решила найти кого-то с хорошим воспитанием, образованием и при этом в таком возрасте, когда еще не утрачена та юношеская непосредственность, которая присуща всем молодым людям. Молоденькая, хохочущая барышня рядом с мужчиной – все лучше, чем чопорная дама. Конечно, я не имела в виду то, что у новой сиделки не должно быть опыта. Но раз уж прислали вас, то давайте попробуем, вдруг что да выйдет. Может хоть к вам он будет относиться более терпимо, – усмехнулась она и я поняла, что лед начал таять и она уже более спокойно и дружелюбно смотрит на меня.

– Хорошо, – ответила я. – А в доме кто еще есть, кроме нас с вами?

– Еще конюший, прачка, кухарка и две горничных. Ну а так, здесь часто бывают гости, друзья его светлости. Поверенный дел графа каждый день приходит тоже. Ну и двоюродная сестра с племянниками очень часто живет здесь, и вот тогда тишины уже в доме точно нет.

– Ясно, – только и смогла сказать я.

– Ну так что, вы согласны работать здесь? – женщина явно сомневалась в этом.

– А куда деваться? Выбора то никто большого не предлагал, – печально усмехнулась я.

– Вы должница, наверное? – спросила женщина.

– Да, мать перестала платить за обучение и содержание семь лет назад. Вот теперь и приходится отрабатывать съеденный кусок хлеба.

– А лет то вам сколько?

– Семнадцать, – ответила я.

– Так вы, получается, не окончили еще школу? – удивленно спросила женщина.

– Нет, еще год должна была быть там, но директриса сказала, что с меня достаточно и того, что я семь лет ела и училась в долг, теперь должна идти работать. Так что пока не выплачу камнем висящую на моей шее сумму, не смогу двигаться дальше. А мне бы этого очень хотелось. Хочу закончить колледж для девочек и работать в каком-то приличном месте. Скажите, а за какой период смогу выплатить эту сумму, если буду работать здесь? – я назвала женщине размер моего долга.

– Ну, если будете трудиться хорошо, и хозяин будет к вам расположен, то думаю за год, не больше. Сумма хоть и не маленькая, но хозяин очень хорошо платит всем работникам, часто к праздникам довольно-таки крупные вознаграждения дополнительно выдает, так что спустя год сможете подумать и о колледже, – улыбнулась женщина, которая явно после моих слов поняла, что первое впечатление, которое у нее сложилось обо мне, было ох каким обманчивым.

– Скажите, а кто же его так? Крылья и прочее…, – нахмурилась я.

– Вервольфы, кто ж еще. Их наемники работали, – ответила экономка. – Он ведь лидер клана темных охотников, после отца своего занял такое положение среди них. В тот день он должен был подписывать соглашение какое-то важное, да попал в засаду на дороге. Сцепился с одним из нападавших, а тот ему в глаза да пылью жемчужной и сыпанул, а когда его светлость упал, то клинком снес ему крылья. Наемников-то было втрое больше, многие из его отряда тогда погибли. А графа его друг спас. Вот так вот, – вздохнув сказала экономка.

– Да уж, печально, – ответила я. – А вас как зовут?

– Мадам Авитэль, – ответила она.

– Авитэль… Вы полукровка что ли? – окинув взглядом эту красивую женщину средних лет спросила я, поскольку люди таких имен своим детям не давали.

– Да. Мой отец был фэйри. Мама – человек, – усмехнулась женщина.

– А я одна здесь человек? Или еще кто есть? – осторожно спросила я.

– Вы будете одна. Остальные полукровки.

– Понятно, значит я как белая ворона здесь буду, – скривила я нос, поскольку ну очень не хотелось быть ею среди тех, кто в кругах фэйри считался явно выше по статусу, чем люди.

– Ну, не скажу, что прям как белая ворона, но да, в этих стенах люди редко бывают. В основном приближенные к его величеству только, – ответила женщина, глядя в упор на меня.

– Кто бы сомневался. Голубая кровь, им везде двери открыты, – хмыкнула я. – Я понимаю, что сейчас задам не очень тактичный вопрос, может, но скажите, как ваш хозяин относится к людям? Если здесь одни полукровки, это наталкивает на мысль…

Женщина повела бровью и подумав ответила:

– Да как вам сказать. Относится не плохо, но, тем не менее, вы должны понимать, что несмотря на то, что фэйри живут бок о бок с вами, они очень осторожно по началу относятся к вашему виду, поскольку люди более хитрые, не всегда честные и далеко не всегда порядочные, в отличие от фэйри, которые уважают правду, никогда не лгут и всегда выступают за справедливость, а также не приемлют фальши и подхалимства. Но вы, мне кажется, обладаете всеми теми качествами, которые присущи порядочной стороне человечества. А теперь, если нет вопросов, пойдемте, я покажу вам вашу комнату и дом.

– Да, конечно, – я улыбнулась и взяв в руки свой чемодан пошла следом за женщиной, с раскрытым ртом рассматривая окружающую обстановку.

Когда мы поднялись на второй этаж по красивой белоснежной лестнице, мраморные ступени которой были покрыты кроваво-красной ковровой дорожкой, я спросила:

– А я что, буду жить не в крыле для прислуги?

– Нет, – ответила женщина, открывая мне дверь одной из комнат, находящихся в просторном коридоре, уставленном цветами. – Вы будете жить здесь, поскольку вдруг его светлости что-то понадобится среди ночи или еще что, не будет же он звать вас через весь дом? А так, его спальня напротив вашей, и вы в любую минуту сможете ему помочь.

Едва я только ступила на порог комнаты, то из моих уст невольно вырвался восхищенный возглас:

– Господи, как красиво! – моему взору открылась просто невероятная картина.

Большая комната, одну из стен которой занимало огромное окно, занавешенное тоненькими, словно паутинка, шторами, больше походила на комнату принцессы и уж никак априори не могла служить пристанищем для служанки. Белая мебель с золотистыми узорами в виде цветов, милый туалетный столик с большим зеркалом, огромный белоснежный ковер на полу, лампы в виде прозрачных лилий и высокие цветы, все это создавало невероятную атмосферу и мне казалось каким-то волшебным местом.

– Хозяин любит уют и красивые вещи, поэтому в доме каждая комната – нечто особенное, – проговорила женщина, проследив за моим восхищенным взглядом.

– Не поэтому, – усмехнулась я, – а потому, что у него есть финансовые возможности на это. Мы все любим комфорт, но кто-то может позволить себе купить лампу стоимостью в годовое жалование горничной, а кому-то денег хватает только на то, чтобы снять закопченную комнатушку на чердаке какого-то дома.

– А вы что-то имеете против доходов тех, кто заработал их тяжким трудом в свое время? – послышалось позади меня, и я взвизгнув подпрыгнула от испуга.

Резко повернувшись, я увидела перед собой очень высокого, грациозного и элегантного мужчину лет тридцати пяти. Иссиня-черные, модно подстриженные волосы, правильные, словно отточенные черты лица, прямой нос, четко очерченные скулы и губы с тенью презрения в улыбке с украшавшей их небольшой родинкой в уголке, натренированная фигура, каждый мускул которой словно прорисовывался под дорогущей одеждой, подчеркивающей его статус. В каждой его черте было что-то дьявольское, присущее тем фэйри, которых мадам Дизар в шутку называла породистыми. Я знала, что смягчил бы этот жесткий образ голубоглазый взгляд мужчины, но поскольку его глаза закрывала черная повязка, то восприняла я его исключительно как нечто неземное и властное. От мужчины шла такая мучительно-спокойная энергетика, что мне с моим вечно взбалмошным нравом даже стало не по себе.

Я застыла в каком-то немом ступоре, не зная, что мне отвечать. Фэйри же недовольно повел бровью и вновь спросил стальным голосом:

– Так я дождусь ответа на свой вопрос или нет?

– Простите, – придя в себя ответила я. – Я не хотела сказать ничего плохого. Просто констатировала факт, который, к сожалению, отражает реальность жизни многих простых людей и не более того. Если ваша семья добилась такого положения и богатства тяжким трудом, как сказали, то это может только вызывать уважение.

Мужчина ничего не ответил на это, задав опять вопрос мне:

– Как вас зовут?

– Селена…ваша светлость, – сказала я, напрочь забыв, как нужно обращаться к нему по правилам этикета.

– Селена, – протянул он и жестко спросил у Авитэль, – почему человека мне нашли в помощницы?

– Так…, – испуганно проговорила экономка, – я не думала, что это будет какой-то проблемой. Просто попросила найти воспитанную, образованную помощницу с хорошими манерами, которая бы смогла достойно выполнять свои обязанности.

– А что, мы, люди, какие-то ущербные по сравнению с вами? – сухо бросила я, поскольку его такой тон просто выбил меня из колеи.

– Нет, просто вам не всегда можно доверять. А мне здесь подобного рода личности не нужны, – резко оборвал мою речь мужчина.

– Ваша светлость…, – неуверенно проговорила экономка, явно желая больше сгладить то, что она приняла такое решение, чем заступиться за меня. – Девочка молоденькая очень. Она только из пансиона. Там всегда дают хорошее воспитание и образование. Будь она откуда-то из другого места, я бы не дала ей и порога переступить, не то что работать здесь.

– Да чего вы оправдываетесь? Если не угодна я здесь, могу уйти, – пожала я плечами, в глубине души до ужаса боясь потерять это место работы, поскольку в кабаре идти не хотелось.

– Да, я могу послать еще за кем-то, может найдут все-таки кого из полукровок, – быстро прощебетала экономка.

Мужчина какое-то время стоял молча, затем ответил безразличным тоном:

– Нет, работайте. Через пол часа жду вас в кабинете, – сухо кинул он мне и развернувшись вышел из комнаты, постукивая своей тростью.

– Я точно здесь надолго не задержусь, – прошептала я больше для себя, чем для Авитэль. – Куда мне с таки работать? Он же как айсберг, холодный и непрошибаемый, да и характер. Вы, наверное, правду сказали…не из легких.

– Да, есть такое, – нехотя ответила экономка. – Но вы должны ведь думать о том, что вам нужно долг выплачивать, поэтому грейте себя мыслью, что всего год и вы со спокойной душой посмотрите в окно завтрашнего дня.

– Если продержусь здесь, – угрюмо буркнула я.

– Да, если продержитесь, – экономка приподняла бровь, даже не пытаясь скрыть мысли о том, что все это под вопросом, затем кивнула мне на лежавшую одежду на кровати, – переоденьтесь, приведите себя в порядок и идите в кабинет его светлости, – с этими словами она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Раскрыв чемодан, я вытащила свои немногочисленные вещи и разложив их по полкам надела простое синее платье с белым воротничком-стойкой, которое было уже приготовлено для меня. Проведя рукой по приятной шероховатости платья, я отметила про себя, что даже одежда для служанки в этом доме была пошита из довольно-таки недешевой ткани, но вот чем это было, то ли заботой о тех, кто поддерживал порядок в этом доме, или же хозяин просто и правда любил окружать себя достойными его положению вещами. Собрав свои длинные волосы в высокую прическу, решив не завязывать их в тугой пучок, как того обычно требовали от служанок, поскольку раз хозяин дома не видел, то и сделать можно было что-то более красивое, чтоб не выглядеть совсем серой мышью, я придирчиво оглядела себя и направилась в коридор.

– Смотри, куда идешь! – проворчал кто-то сверху, едва только я закрыла дверь.

Испуганно присев я подняла глаза и увидела мальчика лет пяти, который порхал под самым потолком, цепляя что-то к дверному проему.

– Тшшш, – прошептал мне маленький фейри, приложив к губам палец. – Ты меня не видела! – с этими словами он мигом слетел вниз, порхая на своих серебристых, прозрачных крылышках.

Я улыбнулась, наблюдая эту картину, поскольку малышей фэйри никогда не видела во время полета и этот смешной мальчуган вызвал у меня некое подобие умиления, поскольку выглядел он очень необычно в ареоле отбрасываемых от его крыльев разноцветных отблесков. Затем перевела глаза на потолок и увидела, что там прицеплен небольшой букетик цветов желтого цвета. Пожав плечами, я стала спускаться вниз по лестнице, не представляя себе, для чего малыш прикрепил цветы у потолка. Остановившись у дубовой двери в кабинет, я выдохнула и набравшись смелости постучалась.

– Проходите, – послышался строгий ответ изнутри и толкнув дверь я переступила порог.

Мужчина сидел за столом и что-то диктовал молодому светловолосому юноше, который лишь мельком взглянул на меня, затем снова опустил глаза к бумаге.

– Подпишите здесь, – закончив писать он помог графу найти на бумаге нужное место и когда тот сделал пару росчерков пером, забрал письмо и сложив его проговорил, – его величество просил передать, что лекарь приедет через несколько дней и тогда уже останется всего одна процедура, после которой, будем надеяться, вы сможете вернуться к своей прежней жизни. Он очень ждет этого, поскольку без вашего бдительного контроля вервольфы начинают наглеть и уже участили свои вторжения на приграничные земли.

– Передайте королю мою благодарность, – без тени каких-либо эмоций проговорил граф и едва уловимым жестом руки дал понять юноше, что он может быт свободен.

Дождавшись, пока поверенный, а это был именно он, покинет кабинет, я мельком окинула взглядом помещение, которое было столь же шикарно обставлено, как и остальная часть особняка, с одной только разницей – здесь царила какая-то особенная атмосфера, чисто мужская. Стена позади письменного стола была полностью увешана сверкающими клинками, бросив взгляд на которые я поняла, что многие из них были достаточно древними на вид, над каминной полкой располагались также какие-то сабли, рапиры, шпаги и прочие виды колющего и режущего оружия, в одном углу располагался большой глобус, а возле входной двери одиноко стоял макет рыцаря с огромным мечом в руках. Когда я перевела взгляд на мужчину, то проговорила:

– Здесь столько оружия! Вы коллекционер? – улыбнулась я.

Мужчина повел бровью и строго спросил:

– Я с вами заговаривал?

– Что простите? – улыбка вмиг сползла с моего лица.

– Я спрашиваю у вас. Я с вами заговаривал или что-то спрашивал?

– Н..нет, – испуганно ответила я.

– Первое правило, мадмуазель. Если я к вам не обращаюсь, то вы должны молчать, пока не разрешу вам говорить со мной. Правило второе – больше не хочу слышать этот ужасный запах духов, которые вы на себя наносите. Не можете позволить себе что-то хорошее, лучше не пользуйтесь вообще ничем. И третье. Ходите тише, будьте так любезны, стук ваших каблуков слышно за милю.

Я расширенными от испуга глазами смотрела пару минут на мужчину, затем, когда до меня дошел смысл всего сказанного, я едва смогла сдержать слезы на глазах, поскольку не думала, что меня так беспардонно будут унижать в этом доме. Собравшись с мыслями, я ответила, едва сдерживаясь, чтобы не нагрубить ему:

– Как скажете, ваша светлость, – сделала я акцент на его титуле, – розовую воду, которая так раздражает ваш утонченный нюх, я использовать больше не

буду. Говорить буду только тогда, когда вы мне позволите. Ну а насчет туфель…извините, но пока купить другие не могу себе позволить, а эти у меня единственные, в пансионе было принято носить обувь на небольшом каблуке.

– Спасибо за понимание, – сухо бросил мужчина. – Насчет обуви, скажете об этом Авитэль, она привезет вам то, что здесь носить приемлемо.

– Хорошо, – тихо ответила я и замолчала, не в силах выносить этот надменный тон.

Живя за стенами пансиона, где практически никто не выделялся на фоне других, я никогда не сталкивалась с другой стороной мира, которая знала, что такое красивая, дорогая одежда, шикарное жилье и отсутствие каких-либо финансовых проблем. Поэтому, в тот момент, когда мужчина так высказался насчет моей и правда дешевенькой, обычной розовой воды да моих грубых туфель, которые издавали при ходьбе не такой уже и громкий стук, я почувствовала себя такой никчемной, что мне жуть как стало тяжело дышать в этом слащавом, роскошном доме, хозяин которого, скорее всего, презирал всех, кто не мог позволить себе жить выше среднего уровня.

Отойдя к окну, я молча стала возле него и отрешенно уставилась в одну точку, пока граф докуривал сигару и водил рукой по листам бумаги. Делал он это довольно-таки долго и меня в конце концов одолело любопытство, поскольку не понимала, что за манипуляции он проделывал с бумагой.

– А что вы делаете? – не удержалась я от вопроса и тут же прикусила язык.

Пальцы мужчины замерли на бумаге, и он вновь гневно нахмурился.

– Простите, – прошептала я. – Не хотела вам мешать.

Он вскинул голову и сказал мне спустя какое-то время:

– Подойдите сюда.

Я неуверенно поднялась на носки, чтобы не раздражать его еще больше стуком своих каблуков, и подошла к столу.

– Ближе, – недовольно проговорил мужчина и я встала совсем рядом с ним. – А теперь руку дайте.

Я неуверенно протянула ему свою руку, и он взял мою ладонь в свою.

– А теперь глаза закройте, – все таким же беспрекословным тоном проговорил он.

Я закрыла глаза, и мужчина положил мою ладонь на лист бумаги, проведя пальцами по ее поверхности. В моей голове словно прошептал кто-то строки из какого-то письма и я испуганно открыла глаза.

– Это как так? – я посмотрела на лист бумаги, на котором был написан обычный текст, только кроваво-красными чернилами.

– Это специальные чернила, их готовит одна из ведьм–целительниц ковена Эндрагора. Потерявший зрение может читать написанное этими чернилами через пальцы, – ответил он.

– Но ведь ковен Эндрагора – враждебный нам, – проговорила я. – Как она может готовить вам такие чернила? Вы ведь наш союзник.

– У нее выбора нет. Она в заточении в нашей тюрьме, – спокойно проговорил фэйри, не отпуская моей руки.

– Ясно, – нахмурившись проговорила я и попыталась выдернуть свою руку.

Фэйри же в ответ на это, крепко сжав ее, спросил:

– Кто ваши родители?

– Родители? – пролепетала я, не зная, что отвечать ему. – Папа был моряком, но он погиб, когда мне исполнилось шесть лет. А мама…мама шила одежду, – наконец сказала я, решив умолчать о том, кем была на самом деле моя мать.

– Почему врете? – спокойно спросил мужчина.

– Вру? Я не вру! – хрипло ответила я, внутренне выругавшись, поскольку напрочь забыла, что передо мной фэйри из клана темных охотников, а он мог на раз и два почувствовать ложь, стоило ему только прикоснуться к правой руке человека во время вопроса и если человек не сопротивлялся, то вся подноготная его ответа считывалась просто на ура.

– Врете. Не люблю ложь, – он небрежно отпустил мои пальцы, скривив свои красивые губы в презрительной усмешке.

– Иногда проще соврать, чем говорить кому-либо правду, – тихо ответила я.

– Я так не думаю. Правда всегда заслуживает уважения, в отличие от лжи, – ответил мужчина. – Почему вы сейчас соврали? Что такое ужасное в вашей правде о родителях, что вы вынуждены врать мне? – строго спросил он.

– Мне можно не отвечать на этот вопрос? – со слезами на глазах спросила я, поскольку просто не могла озвучить вслух то, что знала о своей матери.

– Нет, нельзя, – мужчина протянул мне свою раскрытую ладонь, – вы не представляете себе, в чей дом попали, мадмуазель. Мне не нужны здесь ненадежные люди, поэтому я вас и проверяю. Вы не фэйри и не полукровка, вы – человек, а я очень осторожно отношусь к вашему виду.

– Почему? – нахмурилась я.

– У меня есть на то свои причины. Ну так как, ответите мне на вопрос о ваших родителях? – уже более жестко спросил он, все так же держа раскрытой свою ладонь.

Я нехотя положили свою ладонь на его и ответила, понимая, что у меня просто не было выбора:

– Про отца я вам сказала правду. Про маму же…, – мой голос дрогнул, – когда папа погиб, мама вынуждена была пойти не очень хорошим путем, чтобы прокормить и меня и себя. Я не знаю, насколько это правда, поскольку я с ней не общалась с того самого времени, как она оставила меня в пансионе, но моя подруга сказала как-то, что моя мама – куртизанка. Поэтому и не хочу говорить

об этом. Я ее не осуждаю, но говорить об этом ни с кем не хочу, – по моим щекам покатились слезы, и быстро смахнув их ладонью свободной руки, я нервно выдохнула.

Мужчина молчал пару минут, затем задал еще вопрос:

– У вас нет никаких скрытых мотивов нахождения в моем доме?

– Нет, что вы! – воскликнула я. – Мне нужно выплатить долг и не более того. Меня направили сюда от пансиона. Господи, какие еще могут быть мотивы? Мне семнадцать лет, ваша светлость! Я мир наблюдала в своей жизни только в те редкие минуты, когда нас выводили в церковь или же когда ходила исполнять какие-то мелкие поручения директрисы! А вы мне про какие-то мотивы, – моему возмущению просто не было предела.

– Вот теперь правда, – он едва заметно улыбнулся, осторожно сжав мои пальцы. – И запомните, кем бы не были ваши родители, они у вас самое дорогое, что может быть. Куртизанка, королева, или же она шила платья…какая разница. Для вас она просто мама. Помните об этом, – он отпустил мою руку, и я облегченно вздохнула. – А теперь идите. Я хочу побыть один.

– Но я же вам ничем так и не помогала! – воскликнула я.

– На данный момент я в вас не нуждаюсь и хочу побыть один, – строго проговорил мужчина. – Селена, вы здесь не привязаны ко мне. Если мне нужна будет ваша помощь, я вам скажу об этом. А сейчас идите, до завтрашнего вечера можете быть свободны. Освоитесь, отдохнете и начнете тогда уже работать.

– Хорошо. Простите, – я сделала реверанс и вышла из кабинета, направившись в свою комнату.

Глава 4

– Да что же это такое, – из пелены сна меня вырвал громкий крик, который слышался вперемешку с судорожным кашлем из коридора.

Быстро вскочив с кровати, я выглянула за дверь и увидела ужасную картину. Женщина средних лет, схватившись за горло, кашляла и едва могла сделать хотя бы вдох, прислонившись к стене. Рядом с ней стоял тот малыш-фэйри, испуганно смотря на нее и хлопая своими длинными ресницами.

– Господи, что с вами такое? – сонное состояние вмиг как рукой сняло. – Да говорите же! – подбежав к женщине я с ужасом уставилась на ее синеющее лицо.

Женщина, не в силах что-то сказать, только прохрипела:

– Цветы!

Я подняла голову к потолку и поняла, что малыш специально подвесил туда букетик, зная, что его нянька так среагирует на них.

– Быстро сними их и выброси! – закричала я на него, дернув мальчишку за рукав.

Мальчик в мгновение ока был уже у потолка, отрывая букет ядовитых цветов оттуда, куда он так мастерски их прикрепил, затем быстро подлетел к открытому окну и швырнул их в него, захлопнув ставни.

– Ах ты проказник такой! – закричала я на него. – Что ты натворил? – кивнула я в сторону женщины, которая уже могла дышать полной грудью, постепенно приходя в себя.

– Не надо, – махнула женщина рукой. – Не кричите на него.

– Что значит не кричите! – возмутилась я. – Он же вас чуть не убил.

– Что здесь происходит? – услышала я за спиной строгий голос графа.

– Этот мальчишка вчера утром прицепил здесь цветы, а у его няни, оказывается, такая тяжелая реакция организма на них. Расскажи сам, для чего ты это сделал, – я ухватила ребенка за плечо и подтолкнула к мужчине.

– Дядя Драган, я просто хотел пошутить. Услышал, как мадам Таурина говорила о том, что не переносит их запах, ну и просто подвесил здесь. Я не думал, что так выйдет, – сопя носом проговорил мальчик, злобно покосившись на меня.

– Хорошо, я понял. Иди играй, – спокойно ответил мужчина.

– Что значит иди играй? – не удержалась я и вспылила. – Пусть извинится перед своей няней. Как так можно? Она же едва не задохнулась!

Малыш фэйри удивленно посмотрел на меня, граф же в свою очередь как обычно нахмурив недовольно брови отчеканил:

– Мадмуазель Селена, вы вмешиваетесь в то, во что вмешиваться вам не позволено.

– А ребенку значит позволено вот такое выкидывать безнаказанно? – не унималась я.

– Мадмуазель Селена, правда, не нужно никаких извинений. Простите, ваша светлость, я не доглядела сама. Больше такое не повторится, – извиняющимся тоном проговорила нянька, склонив виновато голову перед мужчиной.

– Вы смеетесь что ли! – я в недоумении наблюдала за этой картиной. – Да его выпороть за такое надо!

Мужчина подошел вплотную ко мне и проговорил недовольным тоном:

– Мы не бьем своих детей, мадмуазель. И впредь держите при себе свое мнение насчет всего этого. У вас свой круг обязанностей и сунуть нос туда, куда не следует, вам не позволено, – с этими словами он взял за руку мальчика и направился с ним на первый этаж.

Ребенок оглянулся и показав мне язык с гордо вскинутой головой пошел следом за графом. Я же повернулась к женщине и удивленно посмотрела на нее.

– Вам правда не стоит вмешиваться в дела воспитания племянника его светлости, – назидательным тоном проговорила та, введя меня еще в больший

ступор этой репликой, – мы, фэйри, воспитываем своих детей несколько иначе, чем вы, люди.

– Это как иначе? – непонимающе спросила я.

– Мы не бьем, не наказываем и никогда не кричим на них.

– Почему? – моему удивлению не было предела. Я хоть и не была сторонницей порки, но то, что такой проступок оставили без внимания, совсем не одобряла, по крайней мере мальчика нужно было заставить извиниться, но и этого сделано не было.

– Потому, что только так из них могут вырасти неподавленные личности, – женщина недовольно на меня посмотрела и у меня в голове промелькнула мысль, что мальчишка просто не мог вести себя иначе среди такого попустительства.

– Хорошо, – я елейно улыбнулась, – в следующий раз дам вам задохнуться, – развернувшись я направилась тоже на первый этаж, поскольку оттуда слышался строгий голос зовущей меня Авитэль.

Пройдя на кухню, я встретилась еще с одним недовольным взглядом, только теперь уже экономки.

– Вы что себе позволяете? – практически гаркнула она на меня. – Не смейте больше даже произносить слово «порка» в этом доме! Вы малыша Раэля до истерики довели этой репликой.

Прислушавшись, я услышала надрывающийся плач мальчика, доносящийся из какой-то комнаты.

– А он чуть не довел свою няньку до смерти, – спокойно проговорила я, переведя взгляд на экономку.

– Но не довел же! – гневно воскликнула она.

– Ну и его же не выпороли, – пожала я плечами.

– Какая дерзкая, – возмущению Авитэль явно не было предела. – Смотрите, я вас предупредила, – она окинула меня недовольным взглядом, – а теперь пойдемте в гостиную, сейчас его светлость ужинать будет. Поможете ему.

– А что я должна делать? – спросила я, в душе радуясь тому, что тема воспитания детей в этой семье была сменена на другую.

– Идите за мной, – кивнула она мне и повела в гостиную, за дверьми которой слышался размеренный стук приборов и тихие голоса служанок, накрывающих ужин.

– Это место его светлости, – указала Авитэль на стул во главе стола, – будете стоять по правую сторону от него. Подавать блюда будет служанка. Ваша же задача смотреть, чтобы граф ненароком что-то не перелил или не разбил. Упаси бог от такого. Поэтому смотрите в оба. И еще напитки. Кофе, чай или вино. Следите, чтобы бокал или чашка не оставались пустыми. Эта часть трапезы на вас, – она кивнула в сторону стоящего неподалеку столика, на котором был приготовлен уже красивый чайник, из носа которого шел пар, и несколько откупоренных бутылок вина.

– А какое вино он пьет? – спросила неуверенно я.

– Обычно красное, – экономка указала на одну из бутылок. – Но может попросить и другое. На ужине будет его сестра и друг, с которым они после застолья идут обычно в кабинет его светлости. Вы в это время идете тоже ужинать и потом готовите графу комнату ко сну. Одежду, кровать, обязательно графин с водой свежей на столе. Ну вот, собственно, и все. Да, и еще одно, – произнесла строго женщина, – он среди ночи бывает кричит иногда. Ему сны снятся неприятные и боли мучают. Если услышите, не вздумайте заходить к нему в комнату в такой момент. Иначе вылетите в два счета отсюда. Вам ясно?

– Ясно, вылечу в два счета, – пробурчала я в ответ и стала на свое место около стола.

Спустя несколько минут, когда служанки закончили сервировать стол и на нем красовались очень красиво оформленные блюда, в коридоре послышались шаги и веселое щебетание.

– И тишина, открывать рот, только если вас о чем-то спросят, – прошипела мне тихо экономка и вышла из комнаты.

В этот момент дверь отворилась и в комнату прошли граф с красивой молодой женщиной под руку, двое детишек, одним из которых был тот крылатый сорванец, а второй же была девочка, на год старше него, позади них шел высокий молодой мужчина в темно-синем камзоле, который выгодно оттенял его светлые волосы и голубые глаза. Я едва сдерживала свой интерес, пытаясь их пристально не разглядывать, как того от меня требовал этикет, но все же мой любопытный взгляд не ускользнул от женщины, которая, сев за стол, усмехнулась и сказала, обращаясь к графу:

– Драган, как это среди твоей прислуги появилась эта девушка? Ты же никогда не одобрял людей в своем доме.

– Это Авитэль ее наняла. Я указаний четких не давал, поэтому, когда прислали девушку из пансиона, решил ее оставить, раз уж так получилось, – безразличным тоном проговорил мужчина, жестом дав понять мне, чтобы я налила ему чай.

– Эта девушка сказала, что меня надо выпороть. Представляешь, мама! Меня, ребенка и вдруг выпороть! – сразу же ввязался в разговор Раэль, обиженно посмотрев на меня и надув губы.

Женщина удивленно перевела на меня взгляд, потом посмотрела на своего сына и сказала с улыбкой:

– Ну, мой хороший, ты же знаешь, что и я порой готова взять в руки розги за твои проделки.

Услышав это, я едва сдержала вздох облегчения, мысленно поблагодарив бога, что хоть кто-то в этой семье здраво мыслит.

– Но это не значит, что я приветствую такие реплики со стороны прислуги, – все так же улыбаясь добавила она, переведя свой взгляд на меня.

– Да, мадам, простите. Такое больше повторится, – спокойно ответила я, едва не хмыкнув возмущенно в ответ.

– Говорите одно, а думаете совсем другое, – проговорила красавица, не сводя с меня своего пристального взгляда. – Люди, вечно с вами какие-то проблемы. Возьмешь вот так в служанки, а потом греха не оберешься, – вздохнула она и опустила взгляд в свою тарелку.

Мне эта реплика так не понравилась, поскольку эти сущности проговаривали это с такой интонацией, словно мы были какими-то собаками, живущими с ними рядом. Раньше я над этим не задумывалась, но теперь, столкнувшись с ними лицом к лицу, мне это открытие очень и очень не понравилось.

– Можно спросить? – я поставила чайник на столик так, что он звонко загремел.

– Спрашивайте, – пожала плечами женщина.

– Почему вы тогда живете бок о бок с нами, если мы для вас третий сорт? – проговорила я осторожно, не зная, как эти трое отреагируют на мои слова.

– Почему третий сорт? Я такого не говорила, да и Драган, я думаю, тоже не мог такого сказать, – женщина прищурила недовольно глаза.

– Порой это можно услышать не в прямом тексте, а между строк. Вы сами знаете это. Так почему вы живете бок о бок с нами? Ваше государство процветает, а военный союз мог бы быть просто военным союзом, без надобности переезда львиной доли фэйри на наши земли. Нет, я ничего против не хочу сказать, но все же. Мне просто интересно, – выпалила я и прикусила язык, увидев, как граф небрежно отбросил салфетку в сторону, явно не радый тому, что я произнесла слово «фэйри».

– Боюсь у меня нет ответа на ваш вопрос, – пожала плечами женщина. – Это государственные дела и решение нашего короля, поэтому многие из нас и переехали сюда.

– Ну так если уж так сложилось, может нужно с уважением относиться друг к другу, а не говорить, что с людьми всегда проблемы? – не унималась я.

– Дерзкая у тебя служанка, Драган, – усмехнулся друг графа. – Вот я за что и люблю людей…некоторых из них, – уточнил он, поведя бровью, – уж очень занятные личности есть среди вас. Особенно женщины.

– Не дерзкая, просто не обученная вести себя согласно ее положению, – недовольно произнес мужчина.

– А какое у меня положение? Я просто работаю у вас и не считаю, что вы со своими титулами кричащими чем-то отличаетесь от нас. Так же, как и вы мне указываете на мое положение, кто-то выше вас может точно так же указать и вам на ваше место. Так что все это относительно. С уважением нужно относиться ко всем, даже к тем, кто зарабатывает себе на хлеб поднося стакан воды тому, кто сам взять его не может, – сказала я, совсем не подумавши.

За столом воцарилась тишина, а спустя мгновение сестра графа проговорила строго:

– Впредь думайте, что говорите и кому.

– Извините, – я опустила глаза. – Я ничего плохого не хотела сказать.

– Все настроение испортила, – сухо кинула женщина и щелкнув пальцами подозвала служанку, – накройте мне в нашей комнате, будем ужинать там, – с этими словами она встала из-за стола и увела за собой детей.

Я стояла ни жива, ни мертва в эту минуту, поняв, что наговорила с три короба ненужных вещей, хоть и правдивых. На удивление граф сидел молча, лишь потягивая вино. Его друг тоже только едва улыбнулся, окинув меня взглядом.

– Я вчера в «Яд» ходил, – перевел тему разговора он, закурив сигару. – Видел Марису, она передала, что очень скучает по тебе.

Услышав название кабаре, в которое была отправлена Кристина, я напряглась.

– Варис, ты знаешь, мне пока не до развлечений, – ответил граф, закуривая тоже сигару.

– Зря, – недовольно проговорил тот в ответ. – Тебя давно никто не видел в обществе. Вервольфы даже поговаривают, есть такая информация, что ты все-таки не пережил ту стычку. Надо что-то с этим делать, Драган. Ты сам знаешь, чем такие слухи чреваты. Надо развеять эти небылицы. Пойдем завтра со мной хотя бы в «Яд» сходишь, мелькнешь перед всеми, кто-то из доносчиков там точно будет, и разговоры утихнут. Да и развлечешься. Там девушек столько молоденьких новых. Румелия знает толк в подборе красавиц, всегда направляет туда только особенных. Я с одной ночь сегодняшнюю провел, едва смог оторваться от нее, настолько хороша чертовка, хоть и до жути боялась меня. Глаза такие, волосы, кожа, запах, не передать, идеальная просто. Кристина, – протянул он задумчиво с улыбкой на губах, гася сигарету о пепельницу.

Я же, услышав это, едва не уронила чашку, разбрызгав при этом горячий напиток себе на платье.

– Что-то не так? – перевел Варис на меня взгляд, видя, как я едва могу сдержать дрожь в руках, вытирая разлитый кофе.

– Н..нет, – пролепетала я.

– Селена, у вас голос дрожит. Что такое? – теперь уже граф едва ли не гаркнул на меня.

– Просто…Кристина, вы сказали. Это такая русоволосая девушка с серыми глазами, около правой брови у нее родинка небольшая? – пытаясь сдержать эмоции спросила я.

– Да, она, – усмехнулся Варис. – Вы знакомы с ней?

– Знакома…, – протянула я с ужасом понимая, что Кристина стала на ту же тропу, что и моя мать. – Не просто знакома. Мы с ней столько лет рядом росли. Мы же из одного пансиона. Она тоже должница. Когда пансион перешел под крыло этой леди Румелии, она предложила нам выбрать место работы. Кристина выбрала «Яд», я же пошла сюда. Но Румелия говорила, что она там будет помогать убирать, столы накрывать и прочее. Максимум петь и танцевать, а получается. Господи, Кристина, – тихо простонала я, закрыв глаза.

– Девочка захотела не такой тяжелой работы, так ведь? Она ее имеет. Лежать с раздвинутыми ногами не так трудно, как если бы пришлось пахать в статусе служанки на кого-то. Графиня Шанайра Рондэр, владелица заведения, всегда предлагает сразу лучшие условия самым красивым девушкам. Ваша подружка решила, что мыть полы-не достойное занятие для ее красоты. А вот ублажать мужчину – в самый раз, – презрительная улыбка не сходила с губ Вариса, пока он это говорил.

– Что вы такое несете! – вспылила я. – Ее обманула Румелия, а владелица кабаре воспользовалась ее наивностью и вы это знаете! Мало того, еще и пользуетесь этим! Как вам не стыдно, вы же взрослый мужчина, а пользуетесь беззащитными молоденькими девушками, – я вся кипела от возмущения, смотря на холеного аристократа-фэйри.

– Нет, подождите, мадмуазель, – погрозил он пальцем. – В кабаре дают выбор всем, так что не нужно лить грязь раньше времени. Я точно знаю, что графиня Рондэр всегда рассказывает сначала, кто чем там может заниматься, сколько за это платят и прочее. И если ваша подруга пошла по более легкой дорожке, желая носить красивые платья и благоухать дорогими духами, а не драить полы, то это исключительно ее выбор. И когда девственность она продавала вчера на аукционе, стоя перед десятком мужчин, это тоже исключительно ее выбор…

– Варис, прекрати! – строго оборвал речь друга граф, явно не желая, чтобы я все это слышала.

– Нет, пусть говорит, – с ненавистью глядя в глаза мужчины проговорила я.

– Ну так вот…В чем вина владелицы кабаре? Или в чем моя вина? В том, что я просто заплатил за то, что она продавала? Почему всегда вы вините того, кто берет, а не того, кто отдает? – продолжил мужчина, с насмешкой глядя на меня. – Да и, кроме того, каждая из ваших женщин – продажна, вопрос только в цене, – усмехнулся он. – Вот за какие деньги вы согласитесь лечь в постель Драгана?

– Что вы такое говорите? – воскликнула испуганно я.

– Просто спрашиваю, Селена, не более. За какие деньги вы готовы сменить статус служанки на статус любовницы мужчины такого уровня, как мой друг?

Это он вас сейчас не видит, а видел бы, этот вопрос не я вам бы задавал, а он. Такие женщины всегда ему нравились. Глаза зеленые, как изумруды, волосы длинные русые, талия тонкая, грудь какая. Даже через ваше монашеское одеяние можно различить то, что тело у вас более чем соблазнительное. Ну так как? Какова у вас цена, мадмуазель?

– Господи, вы чудовище какое-то! Ваша светлость, можно мне уйти? Я не хочу слышать все это, – хриплым голосом спросила я, чувствуя, как пылают мои щеки от услышанного.

– Да, идите Селена, – спокойно проговорил мужчина. – На сегодня вы свободны.

– Благодарю! – сделав реверанс, я просто пулей вылетела из комнаты, услышав, как за моей спиной раздался смешок Вариса и строгий голос графа.

– Зачем девчонку обидел? – сказал он.

– Я обидел? Да бог с тобой, Драган! Не делай вид, что не считаешь так же, как и я. У каждой из них есть цена, они не фэйри. Да и, кроме того, девка невесть как хороша, как думаешь, долго она в девственницах ходить будет? Да ее скоро кто-то возьмет под свое крыло. Такая за кого зря замуж не пойдет, с таким-то гонором и взглядами на жизнь, а приданого нет, чтобы выйти замуж за кого-то достойного. Найдет кого-то из наших, кто на ноги поможет ей встать, и дело с концом. Поэтому я на твоем месте бы сам озвучил ей то, что я только что сказал. Сколько можно такой образ жизни вести, может пора уже хотя бы содержанку завести постоянную? Столько лет прошло, может нужно в себя уже приходить?

Я не дослушала разговор и направилась к себе в комнату, где содрала с себя платье и приняв ванную укуталась в халат, затем залезла под одеяло, пребывая в некотором ступоре от всего услышанного. Меня не столько задели слова Вариса, сколько мучили мысли о Кристине и о том, как она могла пойти на такое. Нет, она конечно была достаточно свободных взглядов девушкой, хоть и воспитывалась в такой же строгости, что и все в пансионе. Она и правда всегда с умилением смотрела на разнаряженных женщин, которые приходили на службу в церковь, а потом могла часами обсуждать фасон платья и зонтика той или иной леди. Она всегда с восхищением смотрела на мужчин-фэйри и даже порой подмигивала кому-то из проходящих мимо в то время, когда мы направлялись в воскресный день в церковь. Даже мадам Дизар пару раз

отчитала ее за столь неподобающее поведение. Но чтобы так, за деньги…Я не могла поверить, что она добровольно на это пошла. И еще не менее меня поразила фраза Вариса о леди Румелии, ведь получалось, что именно она пользовалась беззащитностью девушек, и, скорее всего, не просто так пришла управлять пансионом, ведь где, как не там, можно было найти такую легкую добычу, которую потом без проблем можно было сплавить в цепкие лапы владелицы заведения, которое только своим названием говорило о том, что оно отравляло нравственны принципы молоденьких барышень, попавших в непростую ситуацию. С такими нерадужными мыслями заснула я беспокойным сном.

Следующие несколько дней я практически машинально выполняла все, что от меня требовал граф – читала, писала какие-то письма, наводила порядок в его бумагах, убирала в кабинете, помогала во время застолья и прочее, и прочее, что входило в обязанности помощницы мужчины, который не мог видеть. Ближе к обеду одного из дней, когда я читала ему какую-то книгу, сидя в кабинете у камина, витая где-то в облаках и просто машинально озвучивая написанные строчки, он вдруг резко сказал:

– Семнадцатый век…

– Что простите? – я испуганно подняла на него глаза.

– Вы читаете и делаете ошибки, – строго проговорил он.

– Прошу прощения, это не повторится, – я снова опустила голову и начала читать.

– Что с вами такое? – снова остановил он меня.

– Со мной? Ничего, – пожала я плечами.

– Ничего? Вы за прошедшие несколько дней и слова не проронили. Ходите как тень здесь. Даже шагов ваших не слышно.

– Мадам Авитэль привезет новые туфли только завтра, а пока я надеваю носки и так хожу, дабы не раздражать вас стуком своих каблуков, – проговорила я

дрогнувшим голосом, поскольку мне почему-то до жути не хотелось с ним разговаривать.

– Да я не о туфлях сейчас говорю, а спрашиваю, что с вами такое? Если вы расстроены словами Вариса, так не обращайте на него внимание. Нетактичность – его обычное поведение. Я более чем уверен, что знай он о том, что та девушка была вашей подругой, он бы ни за что не обмолвился о том, что провел с ней ночь. У каждого свой путь, Селена, и то, что она выбрала такой, вам брать это близко к сердцу не стоит, – строго проговорил он, откидываясь на спинку стула.

– Она моя подруга, понимаете? У нас кровати стояли рядом в спальне в пансионе. В холодное время года мы забирались в одну постель и прижимаясь грелись под одеялом, поскольку мадам Дизар вечно экономила на дровах и в особняке было очень и очень холодно. А по выходным, если кто вдруг из нас попадал в опалу перед ней и не получал сладости, то вторая всегда делилась ними с первой. И косы мы друг другу плели по утрам. А по вечерам, глядя в окно на звезды, мечтали о том, как откроем свою маленькую кофейню, где будем продавать вкусные ванильные кексы и душистый горячий шоколад. Она мне как сестра, а вы мне про то, что я не должна брать все близко к сердцу, – тихо закончила я, едва сумев сдержать набегающие на глаза слезы.

Мужчина молчал пару минут, затем спросил уже более мягким тоном:

– Вы бы хотели ее увидеть?

– Очень, – горько проговорила я. – Мне надо знать, как так могло произойти, что она…вот так, – я даже вслух произнести не могла то, во что вляпалась Кристина.

– Хорошо, составьте тогда мне компанию во время прогулки. Мне правда нужно показаться в обществе, чтобы пресечь те разговоры вокруг моей выдуманной гибели. Сначала съездим в «Яд», потом прогуляемся в парке, – сказал он, вставая из-за стола.

– Можно? Правда? – осторожно спросила я, окинув взглядом мужчину.

– Правда, идите, переоденьтесь во что-то более подходящее для прогулки, – кивнул он.

– Спасибо, – взвизгнула радостно я и, швырнув книгу на стол, помчалась к двери, но уже в дверном проеме повернулась к нему и спросила, – вам тоже нужно приготовить другой костюм?

– Нет, я пойду в этом. Идите, Селена, – усмехнулся он и спустя мгновение меня и след простыл.

Быстро забежав в комнату, я едва не застонала, поняв, что переодеваться во что-то подходящее было для меня громко сказано, поскольку из такого рода одежды у меня было только простое белое платье, которое нам шили еще в пансионе для выхода на праздничные мессы в церкви. Но потом, махнув рукой, я быстро стянула с себя форменное платье и надела сие чудо чопорности гимназисток, которое, несмотря на довольно-таки грубую ткань, красиво облегало мою фигуру. Соорудив на голове незатейливую прическу, я окинула взглядом свое отражение в зеркале, отметив про себя, что хорошо, что граф не мог видеть, поскольку такого уровня аристократ ни за что бы не пошел гулять в парк под руку с девушкой, так просто одетой, пусть даже эта девушка и была его служанкой.

Спустившись вприпрыжку по ступеням, я выскочила на улицу, где меня уже ждал граф, стоя у экипажа и разговаривая с извозчиком.

– Я готова, – весело прощебетала я, подойдя к нему.

– Хорошо, садитесь в экипаж, – проговорил мужчина и спустя какое-то время мы уже не спеша ехали по мощеной дороге города под размеренный цокот копыт лошадей.

Граф молчал, а я с изумлением рассматривала улицы города, которые никогда не видела, поскольку жила здесь одна аристократия и мадам Дизар не разрешала нам сюда ходить, считая, что молоденьким девушкам не стоит смотреть на тот уровень роскоши, которым окружали себя те, кто мог себе это позволить.

– Это кофейня? – внезапно спросил мужчина в тот момент, когда мы проезжали мимо симпатичного здания, всего утопающего в цветах, с милыми столиками около него, за которыми сидели мужчины и женщины, одетые в красивые платья и попивающие шоколад из маленьких белоснежных чашек.

– Да, откуда вы узнали? – удивленно спросила я.

– Когда перестаешь видеть, другие органы чувств пытаются компенсировать отсутствие зрения. Я просто учуял запах ванильных кексов, – усмехнулся он. – Давайте остановимся и съедим чего-то.

Он постучал тростью о дверцу экипажа и когда тот остановился, вышел из него и подал мне руку.

– У вас не только нос хорошо работает, но и ориентируетесь вы очень хорошо, – улыбнувшись заметила я. – Вы так ходите, что я бы никогда не подумала, что вы не видите.

– Мы все ощущаем намного лучше, чем вы, люди. Поэтому я и передвигаюсь так. И, кроме того, нас, темных охотников, с детства приучают двигаться в темноте, специально завязывая глаза, благодаря чему мы каким-то шестым чувством ощущаем, где заканчиваются ступени, или же где нужно пригнуться, ну или еще что. Мелочи, конечно, напрягают сейчас, а так, передвигаться, мне привычно, – спокойно ответил он, помогая сесть за стол.

Спустя мгновение к нам подошла пухленькая, невысокого роста девушка в симпатичном платье с белым передником и в накрахмаленном чепце.

– Что желаете отведать? – улыбнулась она и на ее щеках появились симпатичные ямочки.

– Можно мне ванильные кексы и горячий шоколад с лавандовым вареньем? – я неуверенно посмотрела на графа.

– Да, кексы, варенье и шоколад для леди, – усмехнулся он. – Мне ничего не надо.

– Почему? – удивилась я.

– Я не ем вне дома, – ответил он, ставя трость в сторону.

Я только плечами пожала на такой ответ, не представляя себе, как можно сидеть в таком шикарном месте, где витали такие вкусные запахи, и ничего не попробовать. Когда женщина принесла на небольшом подносе свежеиспеченные, щедро посыпанные сахарной пудрой сладости, а в придачу к ним чашку с парующим шоколадом и тарелку с вареньем, то совсем подумала, насколько странным нужно быть, чтобы не хотеть такую вкуснятину. Прищурив глаза, я разломала кекс на две половинки. Намазав одну из них вареньем, приподнялась и поднесла это чудо-творение кондитерского искусства к носу мужчины.

– Селена, я же вам сказал, – мужчина враз нахмурил брови.

– Ну что вы такой всегда злобный, ну правда. Давайте хоть сегодня побудьте не тем холеным аристократом-фэйри с нахмуренными бровями, которого я созерцаю каждый день в особняке, – у меня было прекрасное настроение, поэтому, наверное, я и осмелела так, говоря ему такие вещи. – Попробуйте, очень вкусно.

Мужчина, покачав головой, откусил кусочек кекса и повел бровью, я же, не подумав, провела по его губам пальцем, убирая с них каплю варенья, затем быстро облизнула его и хитро прошептала:

– Ну как? Говорите! Я никому не скажу о том, что вы, мужчина-фэйри голубых кровей, сидели здесь и ели кексы в простой уличной кофейне. Вкусно?

– Вы какая-то другая, – сказал он, проигнорировав мой вопрос. – Не такая, как в доме. Почему вдруг такая резкая перемена?

– Не знаю, – засмеялась я. – Может потому, что здесь я не чувствую себя нищей служанкой, которой указывают на то, что у нее жутко пахнущая дешевая туалетная вода и что стук ее грубых туфель ужас как звучит во время ходьбы по белоснежному мрамору вашего дорогущего особняка. Здесь я чувствую себя просто молодой девушки в компании красивого мужчины и не более того. Стены не давят, следить за каждым словом не нужно…Нет, нужно, конечно, – спохватилась я, – но не хочется, – хитро прошептав я поднесла ему еще кусочек кекса ко рту, который он уже съел без возмущения.

– В компании красивого мужчины,– задумчиво проговорил граф и меж его бровей враз образовалась морщина, свидетельствующая о том, что настроение у него начало портиться.

– А что так сразу посерьезнели? – спросила я.

– Ничего. Просто некоторое время назад я воспринял бы это как комплимент, а теперь…теперь как насмешку, – мужчина едва улыбнулся грустной улыбкой.

– Вы серьезно, что ли? – моему удивлению не было предела. – С чего такие мысли?

– Селена, я не могу видеть, у меня нет крыльев. О какой красоте может идти речь?

– Ну вы даете, ваша светлость! – воскликнула я. – Зрение? Так насколько я понимаю, что оно вернется к вам скоро, больше чем уверена. Жемчужная пыль на всю жизнь его не отнимает у вас, это все знают. Крылья? Это так вообще…не понимаю. Не летаете вы, ну и что с того. На вас как посмотришь, то сразу понятно, что такой сильный мужчина даст фору любому летуну из вашего клана, вы ведь не просто так их лидер. Не крылья ведь вам обеспечили такое положение среди своих. Так ведь? Я вот тоже не летаю и меня это ни капельки не беспокоит. Придумали себе проблему, – хмыкнула я, окинув взглядом графа, который задумчиво слушал мое щебетание.

– Удивительное создание, – после непродолжительного молчания проговорил он. – Столько легкости в такой непростой судьбе. Как вы сохраняете весь этот позитив?

– Ну, как сказать…позитив. Тоже всякое бывает, – уже более спокойно проговорила я, держа чашку с шоколадом двумя руками и с наслаждением вдыхая аромат, исходящий от нее. – Просто смысла горевать нет, если ты не можешь исправить ситуацию. Нужно научиться с ней жить и все. Так и вы, учитесь жить, ваша светлость. Жить без крыльев, жить в ожидании того момента, когда ваши глаза снова увидят солнце. Нет крыльев? Ничего, будете ездить на лошадях, эка ли невидаль. Будете ближе к людям, – сказала я с подтекстом.

– Может вы и правы, – ответил мужчина.

– Не может, а права, – засмеялась я, вставая из-за стола. – А теперь поедемте к Кристине, пожалуйста, – попросила я, все еще боясь, что он передумает.

– Конечно, – взяв трость он направился за мной к экипажу.

Спустя где-то час наш экипаж притормозил около того вычурного здания, куда не так давно направилась Кристина, неся в руках свой чемоданчик и с грустью помахав мне рукой.

– Подождите здесь, – сказал мужчина, едва только я собралась зайти за ним внутрь дома. – Я позову вашу подругу и можете прогуляться с ней в парке.

– А вы? – удивилась я.

– Мне нужно кое-кого увидеть, – ответил он и скрылся за резной дубовой дверью, которую ему открыл дворецкий.

Раздосадовано выдохнув, поскольку уж очень хотелось поглядеть на это заведение изнутри, я отошла в сторону и нервно притопывая каблуком стала ждать Кристину. Не прошло и нескольких минут, как из заведения ко мне выпорхнула девушка, в которой я едва смогла узнать свою подругу, настолько ее новый яркий, кричащий образ шел вразрез с тем милым девичьим образом, который я хранила в памяти. Это уже была не бывшая ученица пансиона в простеньком платье из дешевой ткани, передо мной стояла разнаряженная, разукрашенная девица в откровенном платье черного цвета, отделанного красными оборками. На лице у Кристины было столько красок – румян, помады, пудры, что я едва могла разглядеть под этими всеми атрибутами косметики настоящий цвет лица девушки.

– Селена, – кинулось меня обнимать сие чудо, и я едва смогла скрыть гримасу разочарования.

– Господи, на кого ты похожа! – не выдержав воскликнула я, окинув ее взглядом.

– Ой, только не начинай! – засмеялась девушка. – Это всего лишь образ, – подмигнула мне она.

– Образ кого? Шлюхи из таверны? – строго проговорила я.

– Селена, – подруга обиженно надула губы. – Здесь так принято, не более того. Я бы и сама рада стереть это все с себя. Но не разрешено. Ты лучше скажи, ты какими судьбами сюда? – она чмокнула меня в щеку и взяв под руку повела в сторону небольшого парка, располагающегося прямо через дорогу от особняка.

– Да я…слышала о тебе кое-что. Переживаю теперь очень. Но вижу, что зря, наверное, – неуверенно проговорила я, видя светящиеся от счастья глаза Кристины.

– И что ты слышала? – подруга остановилась и повернулась ко мне.

– Ну…что ты теперь у нас…куртизанка, – строго окинув взглядом девушку проговорила я. – И что продала первую ночь свою на аукционе в этом чертовом заведении.

Кристина покраснела и опустила глаза. Затем посмотрела на меня напряженным взглядом и проговорила:

– Да, так и есть. Я теперь падшая женщина. Так что тебе не стоит со мной общаться, дабы не запятнать свою кристально чистую репутацию, – сухо бросила она.

– Господи, да я не осуждаю, нет, – проговорила я, приобняв подругу. – Просто очень переживаю. Я ведь думала, что ты просто работать будешь. Ты ведь так говорила. А получилось…Почему, Кристина? – спросила я с грустью.

– Почему…почему, – девушка развернулась и медленно пошла по аллее, взяв меня под руку. – Леди Румелия ведь не сказала, что все долги переходят под крыло графини, которой это заведение принадлежит. А по ее условиям, если я начну драить здесь полы, то смогу отработать этот долг не раньше, чем лет через пять, поскольку я ведь должна платить и за крышу над головой здесь, как оказалось, да и кусок хлеба тоже не бесплатен в их чертовом заведении. А

чтобы уйти отсюда, нужно было бы полностью возместить всю сумму. А откуда у меня такие деньги? После услышанного я в таком шоке пребывала, что тебе и не передать. Проревела до самого вечера, пока одна из девушек совет мне не дала…пойти по этому пути. Да, путь адский, но я хотя бы скину это ярмо с себя через год, не более. А если найду хорошего покровителя, который согласится выплатить мой долг, то и раньше, – спокойно проговорила она.

– Господи, но ведь это не честно! Она же обманула тебя! А если в полицию обратиться? – воскликнула я.

– В какую полицию? На кого жаловаться? На графиню Рондэр, муж которой приближенный нашего короля? Она же фэйри такого уровня, что мы с тобой на фоне нее – блохи, Селена. Да и, кроме того, я и сама решила, что так для меня лучше будет. Ну кто я без денег в кармане? Так, посудомойка, или горничная, к которой под юбку так же будет лезть какой-то озабоченный богатей, перед которым его престарелая жена ноги не раздвигает лет как десять уже. А здесь…если буду вести себя правильно, то вскоре уйду отсюда под руку с каким-то не простым завсегдатаем этого заведения, поскольку вход абы кому сюда закрыт. А там уже все будет зависеть от размера кошелька этого мужчины. Может появится и кофейня, – в ее глазах горел такой расчетливый огонь, что я подумала, что она будет не она, если не добьется своего.

– Ясно. Ну хотя бы ты не бьешься в истерике от всего того, что с тобой произошло. А это уже радует, – ответила я, не зная, что вообще можно сказать в данном случае.

– Не бьюсь, не переживай, – улыбнулась Кристина, погладив меня по плечу. – Ты лучше скажи, как ты там? Ты правда работаешь у графа Драгана фон Аргона?

– Да, у него, – пожала я плечами.

– Ну и как?

– Нормально. Не так весело, как у тебя, конечно, – засмеялась я, – но платить он обещал хорошо, поэтому, надеюсь, через год поступлю в колледж и начну осуществлять то, о чем мечтала.

– Ты поосторожней там с ним, – скривила нос подруга. – У него характер как у черта, это все знают. Я вчера ведь узнала, к кому ты попала в дом, ну и порасспрашивала у девчонок о нем. Никто от него не в восторге. Одна Мариса только дифирамбы поет, но она, скорее всего, это делает потому, что надеется на то, что он ее заберет отсюда. До той трагедии он ведь последнее время только к ней и приходил сюда. Да вот и сейчас к ней пошел. Пока мы тут с тобой болтаем, он там ее объезжает, скорее всего, – усмехнулась Кристина.

– Господи, – воскликнула я ошеломленно, поскольку мне и в голову почему-то такое не пришло.

– Ой, прости, я забыла, что для тебя эта тема еще слишком…щепетильная, – испуганно посмотрела на меня Кристина.

– Да ничего, просто как-то…грязно все это, – грустно посмотрела я в сторону особняка. – И ты постарайся побыстрее со всем этим распрощаться. Ты достойна лучшего.

– Да, лучшего. Мне бы Вариса охомутать, то тогда можно было бы и забыть про это ядовитое место, – сосредоточенно проговорила Кристина, кивнув в сторону подъехавшего экипажа, из которого вышел мужчина и направился внутрь особняка.

Я же только повела бровью, презрительно улыбнувшись, помня то, что он тогда мне наговорил.

– Ты чего так? – спросила Кристина, заметив гримасу на моем лице.

– Да ничего. Просто он лучший друг графа, часто в доме бывает. Я правда видела его только один раз, но и этого мне за глаза хватило.

– Да, он змей еще тот, это правда. Но у него ко мне какое-то теплое отношение, я чувствую это. Может потому, что он первый у меня, поэтому так. Но пока он держит дистанцию, хотя и заплатил графине за то, чтобы я пока больше чем в танцах на сцене, ни в чем не участвовала. У меня отдельная комната, тоже оплаченная ним, но после той ночи он только пару раз ко мне заходил, и то так, поговорить. Не знаю, почему он так ведет себя. Может не понравилась ему, – Кристина так смешно надула губы, что я едва не рассмеялась.

– А может просто присматривается к тебе. Просто у него такое…особое отношение к нашим женщинам, – я едва смогла подобрать подходящее слово, – что он вряд ли захочет видеть в своей постели девушку…такую же, как все…в его понимании.

– Может ты и права, – прищурила глаза Кристина. – Раз пока не дает мне к кому-то еще в постель ложиться, то ведь над чем-то размышляет. Так ведь? А раз размышляет, то у меня есть надежда. Он же их темных охотников, а они ведь не маменькины сынки, как прочие фэйри, у которых правил поведения больше, чем законов в государстве. Они не подчиняются ничему и никому, кроме короля своего, так что я бы не против оказаться под боком у фэйри, который может стать не просто любовником, а и спутником на всю жизнь. Это и тебя касается, – окинула она меня взглядом. – Драган ведь не женат.

– Чего? Ты в своем уме? – испуганно захлопала я ресницами.

– Что «чего»? А почему нет? Ну и что, что он калека и не зрячий. Зато богатый невесть как, да еще и лидер клана. Почему бы не лечь под такого? – строго проговорила девушка.

– Глупая ты, Кристина, – осуждающе посмотрела я на подругу, на которой уже явно сказывалось нахождение под крышей кабаре. – Ну какой он калека, – кивнула я в сторону высокой фигуры мужчины, который вышел из здания в компании Вариса. – Крыльев разве что нет. Так и у нас их нет. А видеть он будет, обязательно, – меня почему-то задели слова подруги, и я даже обиделась на нее. – А насчет всего остального. Мы не пара с ним, Кристина. Он – фэйри, я – человек. Каждый должен создавать семью с тем, кто ближе тебе по статусу, мировоззрению и прочим нюансам нашего бытия.

– Кто такое сказал? – усмехнулась Кристина.

– Я так тебе говорю. Это мое личное мнение, – ответила я, до боли помня ту картину, когда моя мать, разодетая в дорогущие шелка, не могла обнять меня только потому, что ей запрещал это мужчина, во власти которого она тогда находилась.

– Ну и зря ты так думаешь. Но это твое мнение. Я же думаю иначе и обязательно окольцую кого-то из тех, кто приходит сюда, – вздернула она подбородок, всем видом давая понять, что будет зубами выгрызать это свое обеспеченное будущее.

– Удачи тебе в этом, – улыбнувшись искренне пожелала я подруге. – И еще, у меня к тебе просьба.

– Какая? – удивилась девушка, зная, что я очень редко прошу о помощи.

– Разузнай что-нибудь о моей маме. Хоть что-то. Если она прекратила платить за мое пребывание в пансионе столько лет назад, была же на это причина? Может она уехала куда, или …умерла, – прошептала я.

– Она так тебя бросила, а ты все еще думаешь о ней? – удивленно посмотрела на меня Кристина.

– Да, она же моя мама, – жестко ответила я.

– Хорошо, попробую узнать. А теперь пойдем, у меня выступление скоро, нужно привести себя в порядок, – подруга взяла меня под руку и повела к экипажу, возле которого разговаривали Варис и граф.

Как только мы подошли к мужчинам, губы Вариса тронула едва уловимая улыбка, по которой я поняла, что Кристина и правда ему нравилась, да и в глазах его было столько нежности, что вариант развития того сценария, о котором так мечтала она, явно был не таким уже и недостижимым.

– Ваша светлость, – тихо промолвила Кристина, сделав кивок головой в знак уважения. – Вы зайдете ко мне? – у Кристины был такой ангельский голосок, что я едва не прыснула со смеху, прекрасно понимая, что она строила из себя этакого падшего ангела, хотя по характеру больше походила на самом деле на фурию.

– Да, пойдем, – Варис пожал руку своему другу, кивнул мне и направился в заведение, ведя за собой Кристину, которая уходя подмигнула мне.

Мы же с графом сели в экипаж и направились в сторону главного парка, где, как я знала, очень любил прогуливаться король. Этот парк славился своим необъятным прудом, в котором жила небольшая стая лебедей, а около берега простилался благоухающий ковер нежно-розовых лилий. Парк был обнесен по периметру высоченным кованы забором и кому зря сюда вход был запрещен, поэтому большая часть жителей города знали об этой красоте лишь понаслышке.

– Как же красиво! – воскликнула я, усаживаясь на скамью под огромной ивой, которая росла у самой воды. – Нам об этом парке рассказывала как-то мадам Дизар, и я даже и мечтать не могла, что когда-либо ступлю на его территорию. Спасибо вам огромное. Вы мне сказку подарили, – сказала я и не удержавшись чмокнула мужчину в щеку. – Простите, – сразу же извинилась я, поскольку и сама не ожидала от себя такого порыва.

– Не извиняйтесь, – усмехнулся он. – Я никогда не думал, что женщина может быть такой счастливой просто потому, что ей показали какой-то парк. Обычно такие эмоции вызывали лишь драгоценности или подаренные наряды.

– Ну, я в своей жизни видела мало что. Так что обсуждать других не буду. Возможно, живи я в роскоши, то и сама бы радовалась драгоценностям больше, чем такому великолепному виду. А так…Ну где я, и где дорогие подарки? Небо и земля, – засмеялась я. – Так что буду радоваться тому, что у меня есть сейчас. А сейчас, – я встала со скамьи и подойдя к воде сорвала небольшую лилию, – у меня есть это, – я осторожно поднесла лилию к носу графа, – это же нечто совершенное. Это природная драгоценность. Так ведь? – я довольно посмотрела на мужчину, который вдохнув аромат издал едва уловимый стон.

– Не престаю вами удивляться, – проговорил Драган в ответ на мой жест.

– Да ладно вам, – засмеялась я. – Просто вы давно не были обычным фэйри и забыли, что значит радоваться таким мелочам, – осеклась я враз, вспомнив, что так называть его запрещено. – Боже, простите, я сегодня напрочь забываю все ваши запреты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lariy_natalisa/skazki-temnogo-goroda-yad

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить